

Николай Вахтин

# КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Международная группа по правам меньшинств Петербургская группа по правам меньшинств





\* \* \*

Международная группа по правам меньшинств (МГПМ) — международный исследовательский и информационный центр, официально зарегистрированный в Великобритании. Его основные цели:

— Способствовать справедливому отношению к этническим группам, составляющим меньшинство (или большинство) населения, страдающим от дискриминации, путем изучения и широкой публикации фактов, касающихся их положения.

— Публикуя данные о нарушении прав человека, препятствовать превращению этнических проблем в опасные разрушительные конфликты, которые крайне трудно разрешить, если допустить их обострение.

— Своими исследованиями способствовать международному пониманию факторов, которые вызывают предвзятость в национальном вопросе и напряженные отношения между группами, и помогать таким образом росту осознанного отношения к правам человека в мире.



**Minority  
Rights  
Group**

\* \* \*

Петербургская группа по правам меньшинств (ГПМ-СПб) организована при Санкт-Петербургском Союзе ученых в июне 1991 года и официально признана как член международной сети аналогичных групп с центром в Лондоне. ГПМ-СПб является независимой общественной организацией.

В состав ГПМ-СПб входят ученые-специалисты по социологии, этнологии, лингвистике, интересующиеся проблемами сосуществования наций и национальных групп, озабоченные ростом национальной напряженности в России.

ГПМ-СПб ставит перед собой следующие задачи:

- Сбор информации о положении национальных и иных меньшинств в Петербурге, на северо-западе России, в Прибалтийских государствах.
- Анализ и обработка этой информации, написание докладов, отчетов и иных материалов и доведение этих материалов до сведения тех, от кого зависят политические решения.
- Перевод международных материалов и документов, имеющих отношение к правам меньшинств и правам человека, на русский язык и распространение их среди тех российских государственных, общественных и иных организаций, а также частных лиц, которые в них нуждаются.

2 254-0  
Николай Вахтин

**КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ  
КРАЙНЕГО СЕВЕРА  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**



Издательство Европейского Дома  
Санкт-Петербург  
1993

КОНТРОЛЬНЫЙ СИСТЕМА

**Вахтин Н.Б.**

Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации — СПб.-Париж: Издательство Европейского Дома, 1993. — 96с.

ISBN 5-85733-006-2

Эта книга Н.Б.Вахтина была первоначально издана на английском языке лондонской Международной группой по правам меньшинств (МГПМ) в августе 1992 года под названием: Native Peoples of the Russian Far North. Русский перевод издан при участии Санкт-Петербургской группы по правам меньшинств (ГПМ-СПб) на средства МГПМ. Русский текст в основном соответствует английскому изданию. Точка зрения автора не обязательно совпадает с позицией МГПМ или ГПМ-СПб.

Российская  
Государственная  
библиотека  
1993

ISBN 0-946690-95-2  
ISBN 5-85733-006-2

© Minority Rights Group, 1992  
© Н.Б.Вахтин, 1993

## Введение

Малочисленные народности Севера — официальный термин, применяемый для обозначения примерно 26 небольших по численности народностей, живущих на Крайнем Севере и Дальнем Востоке Российской Федерации и занимающих примерно 45% площади бывшего СССР и около 58% территории России. Эта огромная территория простирается от Белого моря, по побережью Северного Ледовитого океана, через северную Сибирь до Чукотского полуострова и далее на юг по побережью Берингова и Охотского морей до Сахалина и Амура. Территория «Севера» занимает, по приблизительным подсчетам, около 11,1 млн. кв.км, что значительно превосходит по площади территорию такой огромной страны, как Соединенные Штаты Америки.

## География и климат

Через земли севера текут великие реки — Обь, Енисей, Лена, Колыма, Амур. Территория севера охватывает три климатические зоны — тундру, лесотундру и тайгу. Животный и растительный мир тайги очень богат; дальше к северу, между 66 и 70 градусом северной широты, начинается тундра, где животный и растительный мир беднее. Реки тайги и тундры изобилуют рыбой.

Лето на севере короткое, зимы длинные и холодные, особенно в континентальных районах. В самых восточных районах (побережье Чукотки, Камчатка), как и в самых западных (на границе с Норвегией и Финляндией) зимы довольно мягкие; в районах, удаленных от моря (континентальная Чукотка, Якутия) средняя температура января часто достигает  $-50^{\circ}\text{C}$ . Самая холодная температура — до  $-70^{\circ}\text{C}$  — зарегистрирована в районе Верхоянска и Оймякона («полюс холода») [1].

## Население

Традиционное понятие «народности Севера», введенное в законодательство двумя декретами ЦИК и Совнаркома в 1925 и 1926 годах, является скорее метафорой, чем точным научным термином, — подобно «американским индейцам», это словосочетание объединяет множество самых различных народностей, с различными (в прошлом) типами хозяйственной деятельности, различной материальной и духовной культурой, мифологией, языками.

Антропологически коренные жители Севера представляют довольно далеко расходящиеся подтипы монголоидной расы; некоторые из них ближе по строению лица к американским индейцам.

В прошлом население Севера имело три основных типа хозяйства: в тундре — оленеводство, в тайге — охота и рыболовство, на морском побережье — морская охота. Оленеводы обычно кочевали с оленями, охотники были оседлыми либо полуседлыми, то есть перемещались сезонно в пределах ограниченной территории. В своих традиционных занятиях эти народы проявляли редкую изобретательность и достигали удивительных результатов. Коренные жители Севера получали все необходимое для жизни — и пищу, и одежду, и топливо — от своих традиционных занятий: ненец-олeneвод — от оленей, морской охотник-эскимос — от кита, моржа и тюленя, нивх — охотник и рыболов — от рыбы и зверя.

Кочевники-олeneводы жили в переносных чумах (ярангах), сделанных из оленьих шкур; оседлые охотники и рыболовы строили постоянные жилища из древесной коры или жили в полужемлянках, крытых шкурами морских животных или землей и мхом. Одежду шили из шкур — оленьих, лисьих, волчьих, тюленьих; покрой одежды, орнаменты и украшения у каждого народа были свои. Транспортом служили олени или собачьи упряжки, хотя некоторые ездили и верхом на северном олене.

Население Севера говорит на языках, принадлежащих



к нескольким языковым семьям и группам: финно-угро-самодийской, тунгусо-маньчжурской, тюркской и палеоазиатской. Многие языки представляют собой изоляты — то есть языки, родство которых с другими языками установить не удается.

В этой сравнительно небольшой книге сделана попытка охватить все 26 народностей, расселившихся на огромной территории, каждая со своими особенностями, проблемами, своей историей. Каждая из этих народностей заслуживает подробного изучения; по многим из них существует обширная специальная литература. И тем не менее коренных жителей Севера объединяет одна общая черта, которая, как кажется, оправдывает написание единого очерка о них: сегодня, в начале 1990-х годов, все малочисленные народности Севера находятся в тяжелейшем экономическом, социальном и культурном положении, положении настолько серьезном, что его часто обозначают термином «этническая катастрофа».

Эта катастрофа постигла коренное население Севера в результате контакта с современной индустриальной цивилизацией (и в этом отношении их положение сходно с тем, в котором находятся многие другие коренные народности в различных районах мира, например австралийские аборигены или индейцы Южной Америки). Однако для коренного населения Севера последствия этого контакта отягощены еще и непродуманной, некомпетентной, а иногда и преступной политикой, которую в течение нескольких десятилетий проводило в отношении них государство.

Конечно, малочисленные народности Севера — не единственные, кто пострадал от семидесяти лет тоталитарного коммунистического правления: нет в России человека, этнической или социальной группы, которые в той или иной мере не ощущали бы на себе последствий этих семидесяти лет. Однако положение коренных северян усугубляется тем, что они всегда были и остаются крайне уязвимыми из-за их малочисленности, хрупкости экологического баланса на Севере, а также

из-за некоторых культурных особенностей. Именно поэтому, хотя коренное население Севера никогда и не было объектом сознательного подавления или истребления, его положение сегодня столь трагично.

Несмотря на тяжелое положение, коренные народности Севера все еще существуют. Они по-прежнему живут на своих исконных землях; они по-прежнему во многом сохраняют свои уникальные культуры и языки. И они по-прежнему сохраняют право называться людьми и иметь все права, предусмотренные законами России и международными документами — такими, как Декларация прав человека.

Автор этой книги убежден, что в случае с коренным населением Севера индивидуальных прав человека для адекватной защиты их образа жизни, природной среды и культуры недостаточно: им необходимы групповые права, специальное внимание и специальная защита; им необходим, так сказать, «режим наибольшего благоприятствования» как в политике, так и в экономике и культурном строительстве.

## Состав и численность народностей Севера

Различные источники дают разные списки народностей, относящихся к коренным жителям Севера. Главная причина этого — постоянно меняющаяся терминология, отражающая изменение наших знаний: на протяжении XIX — начала XX веков вместо принятого теперь употребления самоназваний народностей в качестве их официальных наименований употреблялись «внешние» названия, клички, случайные наименования и др. (См. Таблицу 1.)

Официально признано 26 малочисленных народностей Севера. Однако точное число их подсчитать довольно трудно из-за нечеткости критериев разграничения «народностей», «этносов» и «этнических групп». Языковой критерий также не помогает: трудно различить «язык» и «диалект» в ситуации бесписьменного языка или языка, не имеющего литературы.

Таблица I. Названия и самоназвания народностей Севера

	Современное название *1	Современное самоназвание	Название в варианте 1931 г.	Самоназвание в записи 1931г.
1.	алеуты *2	алеут, унанган	алеуты	унарганы
2.	долганы	долган, саха *12	долганы	саха
3.	ительмены	ительмен	камчадалы	ительмены
4.	кереки	керек	—	—
5.	коряки *3	нымылан, чавчувен	коряки	нымылланы
6.	кеты	кет	енисейские остяки	кеты
7.	манси	манси	вогулы	маньси
8.	нанайцы	нанай, нани	гольды	нанэй
9.	нганасаны	ня	тавгийцы	нганасаны
10.	негидальцы	элькан бэйэнин	негидальцы	элкембейс
11.	ненцы *4	ненэц	собственно самоеды	ненцы

12.	нивхи *5	НИВХ		гиляки	НИВУХИ
13.	ороки	ульта, ульча		—	—
14.	орочи	орочили		орочи	нани
15.	саамы	саами		лопари	саами
16.	селькупы *6	селькуп		остяко-самоеды	селькупы
17.	тофалары	тофа, тоха		карагасы	туфа
18.	удегейцы	удэхэ		удэ	удэ
19.	ульчи	нани		ульчи	нанэй
20.	ханты *7	хантэ		остяки	хантэ
21.	чукчи	луораветлан		чукчи	ораведланы
22.	эвенки	эвэнки, орочон		тунгусы	эвенки
23.	эвены *8	эвэн		ламуты	эвены
24.	энцы *9	эннэчэ		енисейские самоеды	маду
25.	эскимосы *10	юпигыт		эскимосы	юиты
26.	юкагиры *11	одул, вадул		юкагиры	одулы

### **Примечания к Таблице 1.**

1. В этот список иногда включают шорцев.
2. Фактически две народности и два языка.
3. Несколько подгрупп, говорящих на разных диалектах.
4. Несколько подгрупп, говорящих на разных диалектах.
5. Несколько подгрупп, говорящих на разных, взаимно часто плохо понятных диалектах.
6. Несколько подгрупп, говорящих на разных диалектах.
7. Фактически две ветви, говорящие на двух группах взаимно плохо понятных диалектов.
8. Несколько подгрупп, говорящих на разных, взаимно часто плохо понятных диалектах.
9. Несколько подгрупп, говорящих на разных диалектах.
10. Фактически три группы, говорящие на трех языках, на одном из которых говорит сегодня лишь несколько человек.
11. Фактически две группы и два языка.
12. Двойное название объясняется иногда наличием этнических подгрупп, а иногда, как в случае с коряками, и наличием довольно далеко разошедшихся групп: нымьлан — оседлые, береговые коряки, чавчувен — оленные тундровые коряки.

К настоящему моменту принятая номенклатура народностей Севера (и их языков) в значительной мере вновь перестала соответствовать уровню наших знаний о них. Представители того, что в североведческой «номенклатуре» считается единым народом, зачастую живут на значительном (тысячи км) удалении друг от друга в совершенно разном окружении и, более того, часто говорят на языках и диалектах, взаимно плохо понятных или вовсе не понятных (показательным примером здесь являются северные и южные юкагиры, сахалинские и амурские нивхи, науканские и чаплинские эскимосы и другие группы). С другой стороны, общее название часто помогает различным группам сохранять общее самосознание (это верно для эвенков юго-восточной Якутии и для некоторых групп ненцев).

Здесь нужно упомянуть две этнические группы, которые обычно исключают из списка малочисленных народностей Севера: якуты и коми. Причина этого — в том, что эти народности относительно многочисленны, а также в том, что они, в отличие от других, имеют свою национальную автономию. Однако положение, в кото-

ром они находятся, в некоторых отношениях сходно с положением малочисленных народностей Севера.

Как и в случае с названиями, статистические данные XIX века дают надежные результаты только для некоторых этнических групп Севера и требуют осторожного обращения. Тем не менее статистические данные, и прежде всего работы С.Патканова начала XX века, а также более современные исследования Отдела Сибири московского Института антропологии и этнографии РАН [2], позволяют получить достаточно точное представление о динамике численности населения Севера.

Первые более или менее достоверные сведения о численности коренных народностей Севера дает нам Перепись 1926 года. Согласно ее результатам, общая численность населения Севера определялась в 124.625 человек [3].

По данным переписи 1959 года в России было 131.436 человек, принадлежащих к малочисленным народностям Севера (примерно 0,1% населения бывшего СССР). Перепись 1989 года дает численность народностей Севера 183.700 человек, т.е. 0,06% всего населения. (См. Таблицу 2.)

Таблица 2. Сравнение численности народностей Севера по данным трех переписей

	1926	1959	1989
алеуты	335	421	700
долганы	1058	—	6900
ительмены	3837	1109	2500
кеты	1046	1019	1100
коряки	7387	—	9200
манси	5468	6287	8500
нанайцы	—	8026	12000
нганасаны	—	748	1300
негидальцы	—	—	600
ненцы	—	23007	35000
нивхи	1664	3717	4700
ороки	157	—	200
орочи	—	782	900
саами	1682	1792	1900
селькупы	1355	3768	3600
тофалары	—	—	700
удегейцы	—	1444	2000
ульчи	—	2055	3200
ханты	12983	19410	23000
чуванцы	707	—	1500
чукчи	12364	11727	15000
эвенки	17513	24710	30000
эвены	2224	9121	17000
энцы	—	—	200
эскимосы	1251	1118	1700
юкагиры	501	442	1100
Всего:	71532	125945	184500
В процентах ко всему населению	0,11%	0,1%	0,06%

## Первые контакты с русскими

*Иногда считают, что коренное население Сибири составляли политические ссыльные и каторжане.*

М. Чапличка, 1914

В советской литературе по малочисленным народностям Севера исторические обзоры очень немногочисленны: вместо них мы имеем десятки и сотни статей и книг, объявляющих о начавшемся после революции 1917 года постоянном и неуклонном прогрессе коренного населения, переходе его от первобытного состояния к развитой технологической цивилизации, его процветании в социальном, бытовом, культурном плане. Если и вводится какая-то историческая периодизация, то она, как правило, выделяет в истории коренного населения Севера периоды, совпадающие с этапами развития всей страны так, как их принято было выделять в учебниках истории КПСС: 1917 год — революция, 1929 год — коллективизация, 1941 год — война и др [4]. Между тем в истории северян важны совсем другие даты.

### Русская колонизация

Присоединение Сибири и Крайнего Севера к Русскому Государству началось около 1550 года. Первые купцы и казаки пересекли Уральские горы и проникли в Сибирь; между 1550 и 1640 годами русские продвинулись на восток более чем на пять тысяч километров и вышли к Тихому океану. Это продвижение происходило, как правило, без применения военной силы, однако процесс колонизации оказал на малочисленные народности Севера огромное влияние.

Уже к XVII веку русским под разными названиями были известны предки всех существующих сегодня малочисленных народностей Севера, а к концу XVIII русские поселенцы, охотники, моряки и купцы прочно



обосновались на всей громадной территории до побережья Аляски включительно.

Как свидетельствуют исторические источники, присоединение в целом не привело ни к истреблению коренного населения, ни к какому-либо значительному сокращению его численности. Как центральное правительство, так и местные сибирские власти, а также частные торговцы были заинтересованы не в уничтожении аборигенов Севера, а в превращении их в аккуратных поставщиков пушнины. Поэтому процесс проникновения русских в северные земли шел не столько военной силой, сколько экономически (что не исключало, впрочем, и военных столкновений).

Торговые связи с русскими оказали огромное влияние буквально на все стороны жизни коренного населения.

Произошло постепенное изменение характера хозяйственно-экономической жизни коренного населения: многие группы постепенно перешли от оленеводства, охоты и рыболовства к охоте на пушного зверя и торговле пушниной в обмен на промышленные товары и европейские продукты; другие изменили характер оленеводства, перешли от мелкотабунного к крупнотабунному, ранее не существовавшему [5].

В ходе колонизации в Сибири и на Севере проявились те же процессы, что и в других районах мира. Некоторые группы добровольно вошли в состав Российской Империи в поисках защиты от более сильных соседей; другие уходили с насиженных земель дальше на север, третьи оказывали вооруженное сопротивление.

В ходе присоединения к России в значительной степени разрушилась и традиционная племенная организация северных народностей, ускорился распад больших первоначальных родов, изменились многие социальные институты. В XVII–XVIII вв. усилились миграции, переливы населения как внутри одной группы, так и между различными этносами, размывание и смешение крупных северных племен [6].

В целом за три столетия, с XVII до начала XX века, значительно изменилась и усложнилась этнографичес-

кая карта Сибири. Территория расселения таких общностей, как тундровые ненцы, чукчи, эвенки, эвены резко расширилась; область расселения энцев, юкагиров, коряков, ительменов, эскимосов сузилась. В целом можно сказать, что уменьшилась территория групп, занимающихся преимущественно присваивающими отраслями хозяйства — охотой, рыболовством; напротив, оленеводы существенно расширили свои территории [7].

## Управление районами Севера в XIX веке

В XVII—XIX вв. управление Сибирскими территориями осуществлялось через систему воевод, которые опирались на местных старейшин и вождей. В функцию старейшин входило выполнение судебных, полицейских и фискальных функций, а также получение дани — «ясака», главным образом, в виде пушнины. К началу прошлого века малочисленные народности Севера фактически оказались целиком во власти сибирской администрации, которая выделялась своим фантастическим казнокрадством и самоуправством даже на фоне среднего российского чиновничества, моральные качества которого и в те годы оставляли желать лучшего [8].

В 1819 и 1820 годах М.М.Сперанский, министр и ближайший советник императора Александра I, знаменитый автор плана либеральных преобразований в России, разработал и в 1822 году ввел в действие Устав об управлении инородцев. Устав представлял для своего времени редкий образец законодательного творчества, в котором делалась попытка юридического определения положения коренного населения колонизируемой страны. С начала до конца Устав проникнут стремлением сохранить не только экономическое благополучие, но и самобытный строй жизни туземцев. Сперанский понимал опасность административного вмешательства в жизнь туземных обществ и стремился оградить их от него.

В течение всего XIX века Устав пополнялся новыми актами, уточняющими и изменяющими его; в 1892 году

все эти акты были сведены в Положение об инородцах [9], которое действовало до революции 1917 года.

Новый порядок вводился с трудностями, закон постоянно нарушался. Правительство, несмотря на все меры, не сумело ввести в законные рамки поток русской колонизации Севера, который вторгался вглубь туземных земель, постоянно нарушая права инородцев. Основная проблема состояла в том, что претворять законы в жизнь, обеспечивать права малочисленных народностей Севера должны были правительственные чиновники, честность и добросовестность которых (да и просто уровень знаний о ситуации на Севере) часто оставляли желать лучшего.

Постепенно (после отставки и ссылки Сперанского и в особенности после воцарения Николая I) меры, принимаемые правительством к защите коренного населения, пошли на убыль, и оно полностью встало на сторону колонистов. Происходили экспроприации туземных земель, иногда с военными столкновениями.

Закон не сумел уберечь северян и от торговой эксплуатации: водкой торговали все частные скупщики пушнины, которые фактически держали в руках Сибирь. Спаивание туземцев и их обнищание приняло грандиозные размеры [10].

К началу 20 века на Севере сложилась достаточно устойчивая ситуация; условия жизни коренного населения, неодинаковые в разных регионах, были в целом довольно тяжелыми; что касается обеспечения прав, то оно было на весьма низком уровне. Выручала многие народности возможность уйти вглубь тундры или тайги и выходить к русским поселениям и факториям только в случае необходимости обменять пушнину на оружие, ткани и продукты.

Положение малочисленных народностей Севера, и прежде всего их бедность и бесправие, вызывало беспокойство образованного общества в России. Одним из направлений, по которым двигалась мысль интеллигенции, главным образом сибирской, связано с популярным в Сибири в начале XX века политическим

движением «областничества». Областники выступали за самоуправление Сибири, предлагали образовать Сибирскую областную думу; одним из доводов в пользу такого решения было то, что в общероссийской Государственной Думе трудно организовать действующее представительство коренных жителей, а в Сибирской областной думе это сделать будет легче. Политика в отношении коренного населения предполагала постепенное приобщение их к русской культуре; однако областники понимали, что необходимо принять меры против губительного воздействия на северные племена оборотной стороны этой культуры, в особенности в первое переходное время. Выход, предложенный ими, сводился к необходимости организации специальных территорий, по типу американских или австралийских резерваций, на которых было бы запрещено поселение некоренных жителей [11]. Однако их идеи никогда не были воплощены в жизнь.

## Народности Севера в 1917—1930 гг.

Сразу после революции 1917 года начался процесс законотворчества, в том числе и в отношении малочисленных народностей Севера. В ноябре 1917 года была опубликована Декларация прав народов России, в которой было записано безусловное право на «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». Конституция 1918 года гарантировала «равные права за гражданами, независимо от их расовой или национальной принадлежности» [12]. Однако в 1917—1923 гг. новая власть, занятая гражданской войной, мало внимания уделяла коренному населению Севера в целом и реальному воплощению этих прав в жизнь.

Тем не менее процесс установления Советской власти на Севере начался — несмотря на то, что во многих местах население не понимало смысла происходящих событий и, не без основания видя в них угрозу своему благополучию, предпочитало держаться от них в стороне.

После установления Советской власти, которое произошло в разных районах в разное время, но в основном было завершено к 1923 году, инородческие управы вместе со всеми органами старой власти были распущены, а Положение об инородцах отменено.

### Комитет Севера

После революции 1917 года был образован Народный комиссариат по национальностям (Наркомнац), который осуществлял управление северными окраинами до 1924 года. Однако это управление было чисто номинальным: из-за отсутствия своих органов на местах Наркомнац фактически не мог оказывать никакого влияния на положение малочисленных народностей Севера. В результате к 1923 году сложилось положение, о котором довольно ярко сказано в докладе Енисейского исполкома: «Туземные племена живут эксплуатацией зоологических богатств, а русские — эксплуатацией тузем-

цев... Туземцы Севера живут за пределами конституции РСФСР» [13].

В апреле 1923 года, в основном в результате активной деятельности профессора В.Г.Богораза, крупнейшего этнографа, одного из основателей российского североведения, Наркомнац обратился во ВЦИК с предложением организовать специальный орган, задачей которого было бы содействие коренному населению в реальном осуществлении того равноправия, которое юридически уже было ему предоставлено.

Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 года был создан такой орган — Комитет содействия народностям северных окраин, более известный как Комитет Севера, в состав которого вошли государственные деятели и ученые.

В круг обязанностей Комитета Севера входило:

- выяснение, разработка и проведение мероприятий, необходимых для хозяйственно-экономического подъема Севера;
- собрание сведений о жизни и нуждах народностей Севера, изучение их истории, культуры и быта;
- выяснение мероприятий, необходимых для защиты народностей Севера от эксплуатации;
- разработка основ административного и судебного устройства народностей Севера.

Реальная деятельность Комитета Севера оказалась, впрочем, несколько скромнее планов, главным образом, из-за отсутствия финансирования. Тем не менее Комитет Севера оказал громадное влияние на всю работу по экономическому, культурному и социальному развитию северных территорий. В его составе были люди, прежде всего прекрасно знавшие Север, с полной отдачей и энтузиазмом относившиеся к своей работе. В журнале Комитета Севера («Северная Азия») публиковались интереснейшие работы по экономике и праву, общественным отношениям и культуре малочисленных народностей Севера.

## «Консерваторы» и «радикалы»

На протяжении последовавших после создания Комитета Севера десяти лет основным содержанием дискуссий относительно коренных северян, их прав и способа организации управления ими было вначале скрытое, а позднее и явное противостояние двух направлений, которые можно условно назвать «консервативным» и «радикальным», или, иначе, «этнографическим», филантропическим взглядом, которого придерживались многие члены Комитета Севера, чьей основной целью была защита культуры и образа жизни северян от внешнего влияния, и позицией правительства и Коммунистической партии, которые, ставя классовые понятия выше национальных, с самого начала поставили цель стереть национальные различия между людьми, слить все народы в единый советский народ [14].

Главным признаком этого разделения было отношение к статусу территорий, на которых имелось коренное население. «Консерваторы» выступали за очень медленное, постепенное включение северян в социальный и хозяйственный комплекс государства, для чего предлагали создать особые «заказные земли», по типу американских резерваций [15].

Уже в докладе Наркомнацу 2 апреля 1923 года В.Г.Богораз, впервые выступая с предложением организовать Комитет Севера, предлагал в качестве одного из основных направлений его деятельности заняться выделением особых «заказных территорий», поскольку слияние русского и коренного населения «есть смерть для инородцев» [16]. Эти заказные территории должны были быть достаточно обширными, соответствующими традиционному быту и занятиям народности; на них должен был действовать запрет на вселение соседей, как русских, так и других инородцев. Выделенные территории должны были находиться под охраной особых законов и управляться непосредственно центральным правительством.

Общий принцип, сформулированный В.Г.Богоразом и

его сторонниками, был следующий: целью «освоения Севера» должен стать подъем благосостояния местного населения; туземные люди сами составляют лучшую часть богатства далеких северных пустынь. Позиция «консерваторов» базировалась, таким образом, прежде всего на гуманном, уважительном отношении к народам, населявшим Север.

Совершенно иной была точка зрения «радикалов». Они утверждали, что никаких социальных и культурных отличий малочисленных народностей Севера от остального населения не существует и что, следовательно, их путь к «прогрессу» не должен ни в чем отличаться от пути, по которому идет вся страна. Основную цель движения на Север «радикалы» видели в освоении огромных природных и минеральных богатств этих районов: лес, полезные ископаемые, позднее нефть и газ. Туземное население рассматривалось как средство, без которого освоение невозможно [18]. Необходимость снабжения населения Севера продовольствием мотивировалась тем, что в противном случае население вымрет и не сможет оказывать русским помощь в колонизации края; самостоятельная ценность коренных жителей в расчет не принималась.

Прямо и четко эта точка зрения сформулирована в программной статье В.Виленского-Сибирякова: «...все остальные проблемы Северной Азии находятся в том или ином, но обязательно соподчиненном, отношении к возможности будущего промышленного развития» [19].

Статьи и выступления «радикалов» полны презрительных высказываний в адрес коренного населения Севера, как например: психика и хозяйственная деятельность туземца носит печать разложения. Это «заставляет усомниться, что туземное население может сколько-нибудь способствовать экономическому развитию своей страны». Туземцы «неспособны воспринять даже начатки культуры... взрослое население поголовно неграмотно...».

Дикость и некультурность туземцев доказывается простейшим способом: сравнением с собственными



привычками и вкусами: «... береговой чукча предпочитает жесткое и вонючее моржовое мясо и не менее скверный нерпичий жир...», засол рыбы по-камчатски «дает продукт, приносящий прямой вред тому, кто им пользуется», и т.п. [20]. При этом «радикалы» не отрицали необходимости помощи коренному населению, но с единственной целью — ускорение промышленного развития Севера.

Поначалу в деятельности Комитета Севера как будто одержали верх «консерваторы». В Постановлении Президиума ВЦИК, учреждавшем Комитет Севера, ясно сказано, что содержанием работы Комитета должно стать «определение и резервация территории, необходимой для обитания и развития культуры каждой народности». Однако слишком уж эта идея уважительного и гуманного отношения к личности и бережного отношения ко всем народностям, убеждение, что есть вещи важнее прогресса, — слишком уж эти идеи противоречили тем лозунгам и принципам, на которых стояла Октябрьская революция. К сожалению, в исторической перспективе идеи «консерваторов» не имели шансов реализоваться.

Пока новая коммунистическая власть была еще слаба, она мирилась с позицией тех, кто призывал к постепенному и осторожному развитию Севера. Однако к концу 20-х годов все громче начали раздаваться голоса тех, кто призывал не нянчиться с северянами, отрицал необходимость в каких-либо «особых условиях» их развития, требовал немедленной коллективизации их хозяйства, беспощадной борьбы с «кулаками» и шаманами. «Консерваторы» быстро отступают; их статьи и высказывания в этот период полны противоречий; тон их постепенно меняется. Так, они смиряются с необходимостью промышленного освоения Севера как первой и главной задачи, причем силами в основном пришлого населения, однако пытаются спасти остатки своей позиции, призывая к параллельному развитию традиционных форм сельского хозяйства местного населения. При этом они призывают дать малочисленным народ-

ностям Севера преимущественные права перед приезжими и внимательно следить, чтобы приток нового населения не мешал, а способствовал вовлечению местных в общий труд и подтягиванию его до уровня русского населения.

Попытки уберечь коренное население от воздействия индустриализации, коллективизации и демографических изменений не прекращались во все годы существования Комитета, несмотря на то что с каждым годом все яснее становилась их непродуктивность, принципиальная невозможность оградить северян от внешнего воздействия законными средствами в условиях всеобщего беззакония.

Очень показательное изменение тона публикаций в журнале «Северная Азия»: начиная с 1929 года, названия статей начинают все больше напоминать партийные лозунги; практически полностью исчезают статьи, посвященные изучению Севера. Во всех публикациях речь идет уже практически только об экономике; о коренном населении Севера — ни слова. В 1931 году журнал прекратил существование.

## Создание родовых Советов

Постоянно увеличивающееся давление со стороны партийной власти вынуждало законодателей примирять формы административно-территориального деления, управления и хозяйства, которые они считали предпочтительными для районов проживания народностей Севера, с установками партии и распоряжениями Сталина, решениями съездов и инструкциями министерств. Эти два направления зачастую не просто противоречили друг другу, а находились в отношениях принципиальной непримиримости: самоуправление небольших этнических групп на основе обычного права и сохранения традиционной культуры не могло сосуществовать с централизованной тоталитарной властью. Поэтому многие законы, касающиеся управления территориями с коренным населением, носят двойственный, половинчатый характер.

Примерами таких законов являются Временное положение об управлении туземных племен на северных окраинах РСФСР, а также Временное положение об организации судебной части на северных окраинах РСФСР. Основной задачей этих законов было дать конкретной этнической группе, традиционно проживающей на какой-либо территории, право владения и управления этой территорией, обеспечивать сохранность границ, решать территориальные споры между племенными группами и между коренным и приезжим населением.

Функции управления по этому закону передавались местным органам власти:

1. Родовое собрание включало всех членов данного рода, кочующих или проживающих совместно в данном районе и достигших 18 лет. Созывалось не реже одного раза в год. Функции его — избрание родового совета, депутатов на районный съезд, решение вопросов пользования угодьями, распределения налогов и повинностей между членами рода, обеспечения продовольствием и др.

2. Родовой (тундровой) совет избирался в составе трех человек на один год и осуществлял исполнительную власть в пределах территории рода, а также имел право судебного разбирательства дел между туземцами данного родового совета и между ними и туземцами других Советов; к его компетенции были отнесены все споры брачно-семейного, наследственного, имущественного характера и вопросы права на те или иные угодья.

3. Районный съезд избирался несколькими родами, обитающими в определенном районе и являлся высшим органом власти на своей территории. Ему принадлежали функции утверждения и распределения районного бюджета и все прочие вопросы управления.

4. Районный туземный исполнительный комитет, избираемый в составе трех человек, осуществлял исполнительную власть в районе; ему также давалось право рассматривать уголовные дела (кроме тяжких и государственных преступлений).

В своей деятельности эти органы должны были

руководствоваться обычаями данного племени в той мере, в какой они не противоречили Законам РСФСР. Одновременно суд более высшей — третьей — ступени был общим для всего населения. Кроме того, был введен классовый ценз для занятия выборных должностей, что, безусловно, противоречило традиции: в родовые и районные Советы не могли избираться богатые оленеводы, торговые посредники и шаманы.

Число родовых советов быстро росло: в 1925–1926 гг. их было 201, в 1927–1928 гг. — 352, а к 1929–1930 гг. стало 455. Впрочем, кое-где послушные власти на местах, не найдя на своей территории родов, спешно создали их, например: Микинский корякский род был создан решением Пенжинского райисполкома, и еще пять корякских и два эвенских рода были созданы решением уполномоченного Камчатского ревкома [21].

Однако к 1927 году стало уже ясно, что система родовых советов может быть использована в лучшем случае как временная. Дело в том, что в подавляющем большинстве районов Севера отсутствовала какая-либо связь между кровным родством и территорией. Представители одного рода кочевали в разных местах; в одном поселке жили рядом представители разных родов, а во многих районах и разных народностей. Поэтому в действительности те советы, которые были созданы как родовые, образовывались в рамках старой административной системы, а не кровного родства, то есть по территориальному принципу. По сути дела, если отвлечься от прокламируемых целей и задач Советской власти, то невозможно было провести грань между системой родовых советов и традиционными органами инородческого управления, которые действовали до 1917 года на основе Устава 1892 года [22].

Практически родовые советы во многих местах существовали только на бумаге. Так, в 1925 году уполномоченный Комитета Севера доносил из Туруханского края: «никакой работы, проделанной советами я не видел. советы бездействуют». Аналогичные данные поступали с другого конца Сибири — с Камчатки: «Туземные советы в большинстве

числятся только на бумаге и никакой работы, по своей неграмотности и неразвитости, не ведут» [23].

Как правило, малочисленные народности Севера не противились организации советов, относились к процессу достаточно безразлично. Однако кое-где местное население вообще недоверчиво относилось ко всему, что исходило от русских: советская власть рассматривалась как русская власть. Сынские ханты, например, объявили о нежелании создавать совет именно по этим мотивам: «Если в Сынском районе будет самостоятельный туземный совет, то нам, туземцам, негде будет жить. В центре тузсовета постепенно будут организовываться медпункты, школы, будут туземцев учить, брать в солдаты, будут организовываться торговые предприятия, а с ними в Сынскую реку будет наезжать русское население, по Сынской реке будут ходить пароходы. А нам все это нежелательно и не надо» [24].

## Экономика районов Севера

К 1922 году в результате разрушения старых экономических связей и гражданской войны, которая прервала все регулярные пути снабжения северных территорий, все население Севера оказалось в тяжелейшем положении: отсутствовали привозные товары, нарушился порядок ежегодных ярмарок, прекратился обмен оленеводов с оседлыми населением. Охотничьи ружья были во многих местах конфискованы новой властью из опасения «инородческих восстаний». В 1919–1920 гг. произошёл массовый падеж оленей [25]. Новые органы власти во многих местах конфисковывали также пушнину и ездовых оленей у всех, кто казался им слишком богатым; при этом совершенно не учитывалось реальное различие между потребностями одного хозяйства в скоте в России (где шесть коров и лошадей могли обеспечить сносное существование) и на Севере (где минимум оленьего стада на семью — порядка 200–250). В результате, например, в некогда богатых тундрах Туруханского края начался голод [26].

После окончания гражданской войны снабжение Севера продовольствием и товарами возобновилось. На Север вновь стали завозить зерно, муку, сухари, соль, порох, дробь, ткани в обмен на пушнину, рыбу, мясо. Были подняты закупочные цены на пушнину и снижены государственные цены на товары — это было основным средством подъема экономики. Между 1924 и 1929 годами пушнина, вместе с зерном и продуктами нефтедобывающей промышленности, занимала верхнюю строку в списке советского экспорта. В обмен на сибирские меха покупали оборудование для тяжелой промышленности. Поэтому правительство было заинтересовано в том, чтобы коренные жители до поры до времени не оставляли своих традиционных занятий: охоты, рыбной ловли и оленеводства [27].

Частная торговля, поначалу разрешенная только там, где не было государственной или кооперативной, к 1929 году была запрещена полностью. В 1924 году был издан закон, в соответствии с которым государство обязано было ежегодно отпускать специальные средства на снабжение Севера. В 1927–1928 гг. они равнялись 16.840.000 руб., в 1928–1929 гг. — 26.200.000 руб., в 1929–1930 гг. — 27.545.000 руб. [28].

Первые потребительские кооперативы и охотничьи и рыболовецкие артели появились в начале 20-х годов. С 1927 года начинает возникать «интегральная кооперация». В задачу кооперации входила организация снабжения, сбыта продукции, кредита, содействие промыслам; она объединяла потребление и производство. Эта форма объединения была популярна и выгодна, имела налоговые льготы. К 1930 году интегральная кооперация охватывала 35% трудоспособного населения Севера, то есть составляла достаточно заметную долю в хозяйственной деятельности.

Постановлением ЦИК от 1925 года северяне были освобождены от уплаты всех налогов. В 1929 году СНК РСФСР постановил освободить коренное население от обязательной военной службы. Это освобождение было отменено в 1936 году.

## Развитие школьного образования

Первыми специальными культурными учреждениями на Севере стали так называемые «культбазы» — комплексные учреждения, своеобразные форпосты европейской культуры на Севере. Культбаза объединяла в себе хозяйственную, просветительскую, врачебно-ветеринарную и научно-исследовательскую работу. Для работы на культбазах Комитет Севера подбирал и готовил специалистов, главным образом энтузиастов. К началу 1931 года было 8 культбаз: Ненецкая, Восточно-тунгусская, Чукотская, Вторая тунгусская, Сахалинская, Третья тунгусская, Остяцкая и Корякская [29].

В это же время началось школьное строительство. В 1925 году школьная сеть Камчатской губернии (включавшей современные Камчатскую область и Чукотку) насчитывала 41 школу примерно с 2000 учащихся. К 1930–1931 гг. на Крайнем Севере было 123 школы, из них 62 с интернатами. В них училось около 3000 детей, или 20% всех детей Севера школьного возраста [30].

Первыми учителями были приезжие русские, которым приходилось осваивать языки коренного населения, так как большинство детей в те годы не знали русского языка. Подготовка учителей для школ Крайнего Севера велась начиная с 1926 года во многих городах, на подготовительных отделениях при Тобольском, Хабаровском, Архангельском педтехникумах, на Северном отделении Томского рабфака, в Ленинграде на Северном факультете Восточного Института. В 1930 году Северный факультет был преобразован в Институт Народов Севера [31].

В 1930 году группой ученых, объединившихся в Ленинграде в Научную ассоциацию североведов, был создан и годом позже утвержден единый северный алфавит на латинской основе. Началась работа над созданием письменности на языках малочисленных народностей Севера; к 1931 году письменность имели 13 народностей; вышло три букваря.

Создание письменности для 26 различных языков составляло значительную проблему. Для облегчения

поначалу было предложено сгруппировать коренное население по признаку языковой близости, выбрать для каждой группы «базовый язык» (по признакам численности говорящих, лингвистическим особенностям, экономической и культурной роли) и сформировать письменность для него, с тем чтобы остальные представители группы либо варьировали базовую письменность применительно к особенностям своего языка, либо постепенно переходили на базовый язык. Таким образом, число языков, для которых необходима письменность свели к девяти группам: эвенкийская, нанайская, ульчская, нивхская, чукотская и четырем изолированным языкам — эскимосский, ительменский, алеутский и айнский; юкагирский и кетский поначалу не имели письменности [32].

Предложения Комитета Севера по школьной программе были обсуждены и приняты в 1925 году. Главная идея программы — необходимость удержать население северной зоны на родине, так как хозяйственное использование тундры без них немислимо. В то время программа ориентировалась на такое образование, которое не оторвало бы туземца от его привычной хозяйственной деятельности и быта, не отучило бы от традиционного производства. Система обучения должна была быть согласована с местными обычаями и сезонными производственными циклами.

Первая ступень (10–11 или 13–14 лет) предполагала изучение курса начальной школы, причем преподавать планировалось вначале на родном языке и только в конце по-русски. Вторая ступень (13–17 лет) должна была дать одаренным детям возможность двинуться дальше. Была предусмотрена возможность оставления самых талантливых при школе, чтобы они могли получить профессии учителя, ветеринара, фельдшера и др. [33].

Несмотря на тяжелые условия, первые учителя проделали на Севере большую работу: например, в эскимосском поселке Сиреники, где в 1929 году грамотных не было вообще, к весне 1932 года было обучено грамоте 20 охотников, а в школе училось 42 ученика в возрасте



от 6 до 18 лет.

В те же годы делались первые робкие попытки преподавания языков малочисленных народностей Севера в местных школах. В Ленинграде «Учпедгиз» приступил к печатанию первых букварей и учебников. Это требовало значительных усилий, поскольку в те годы число специалистов по языкам Севера было очень невелико.

В 1937 году «для облегчения изучения грамоты» был введен новый алфавит для языков народностей Севера на русской основе. Сделано это было без всякого обсуждения, декретом правительства, без консультации с учителями-практиками, и, конечно, никто не спрашивал мнения самих жителей. При этом многие ученые, работавшие над созданием алфавита в 1930 году, были арестованы как «враги народа» [34].

# Народности Севера в 1930–1941 гг.

*...Индивидуальные преступления играют весьма незначительную роль в человеческой трагедии. Они совершенно бледнеют, если их сопоставить с гибелью огромных масс, истребленных в порыве самоотверженной любви к племени, нации, династии, церкви или идеологии.*

Артур Кестлер

## Создание национальных округов

Национальный округ — это вид советской автономии, представляющий собой национальное административно-территориальное образование. Национальные округа, образованные по предложению Комитета Севера, можно в каком-то смысле рассматривать как последнюю попытку Комитета найти компромисс между потребностями охраны малочисленных народностей Севера и неотвратимо наступающим промышленным развитием Севера. Этим пытались достичь «установления новых рациональных экономических и вместе с тем национальных границ...» [35] — то есть примирить экономику и национальные проблемы.

Комитет Севера, который представил два проекта: проект системы национальных районов (с подчинением совет-район-область/край) и альтернативный проект системы национальных округов (совет-район-округ-область/край). В конце концов был принят компромиссный вариант: в одних случаях районы непосредственно входили в области, в других между ними были созданы промежуточные административные ступени — округа.

Первым в 1929 году был образован Ненецкий национальный округ. В 1930 появилось большинство остальных округов, а именно:

— в составе Восточно-Сибирского края: Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олекминский национальные округа и Катангский национальный район;

— в составе Дальневосточного края: Чукотский, Охотский (эвенский), Корякский национальные округа, Зейско-Турский (эвенский) и Джелтулакский (эвенский) национальные районы;

— в составе Якутии: Анабарский (эвенский), Тулунский (эвенский), Вилуйско-Мархинский (эвенский), Тукуланский (эвенский), Жиганский (эвенский) национальные районы.

В 1931 появилось дополнительно девять эвенских и эвенкийских национальных районов.

В 1932 — Алеутский и Быстринский районы Камчатской области и Тымский район в составе Нарымского округа.

К концу 1932 года было образовано 9 национальных округов, делившихся на 38 районов, и дополнительно 20 национальных районов [36].\*

В декабре 1930 г. Восьмой пленум Комитета Севера постановил, что содержание работы Комитета после создания национальных округов должно измениться коренным образом: из представителя народностей Севера в русских округах и районах он становится представителем национальных округов и районов, всего их населения, независимо от национальности.

К сожалению, надежды на то, что создание национальных округов сможет защитить коренное население, не оправдались. Противоречия между интересами местного населения Севера и интересами крупной промышленности, противоречия между социальным строем, обычаями и традициями северян, с одной стороны, и теорией классовой борьбы и лозунгами построения коммунизма, — с другой, были слишком глубоки. Слишком неравны были и силы.

Не выполнялись распоряжения правительства о выделении средств для туземных райисполкомов наравне с русскими советами, об отпуске средств на содержание

уполномоченных местных Комитетов Севера, об обеспечении школьного и больничного строительства среди коренного населения, об ассигнованиях на достройку и оборудование культбаз и др. Вопреки решениям правительства, почти повсеместно коренное население облагалось налогами наравне с другими жителями Севера [37].

## Промышленное освоение Севера

В 30-е годы в рамках общего плана индустриализации страны началось промышленное освоение Севера. Вопреки закону, коренное население не только не получило обратно принадлежавшие им земли, но и оставшиеся земли насильственно захватывались промышленными министерствами. В периодике того времени зафиксированы многочисленные факты вытеснения коренного населения приезжими (Охотское побережье, Дальний Восток).

Во многих случаях промышленные предприятия, работавшие на Севере, совершенно не считались с интересами туземцев, вели себя, как победители на захваченной территории. Так, на Тобольском Севере весь Обдорский район был отдан в монопольное владение рыболовецкому тресту, и представители местной рыболовецкой кооперации вынуждены были подписать с ним договор, сводящий кооперацию к роли поставщика рабочей силы для предприятий треста.

При стремительных темпах колонизации Севера работающие там государственные организации, озабоченные обеспечением своих работников продовольствием, шли в основном по пути развития собственных, государственных же сельскохозяйственных структур (совхозов), с привлечением исключительно завозной рабочей силы. При этом государственные организации интенсивно эксплуатировали те природные ресурсы (лес, тундра, вода, олени, зверь, рыба), которые составляли основу туземной экономики. Организованные оленеводческие совхозы захватывали любые пастбища, совер-

шенно не интересуясь вопросом собственности на них. Рыболовецкие совхозы перегораживали сетями реки, нарушая все традиционные сроки и правила лова, лишая местное население традиционной пищи [38].

Традиционная хозяйственная база малочисленных народностей Севера подрывалась; при этом не происходило и вовлечения их в современное промышленное производство, которое опиралось на привозную рабочую силу. С юридической точки зрения положение также было ненормальным: русское население, живущее на той же территории, было неподсудно туземным судам [39].

Товаров на Север для нужд местного населения завозили недостаточно и не те, которых там ждали. Это приводило к тому, что местные жители, не найдя в фактории нужных товаров, отказывались сдавать пушнину и уносили ее обратно в тундру. Описано несколько случаев, когда Пушной синдикат в этой ситуации поднимал тревогу, и Внешторг, заинтересованный в бесперебойных поставках пушнины, давал распоряжение о завозе в туземные районы спирта (вопреки неоднократным постановлениям ВЦИК 1929 и 1930 гг. о запрещении торговли спиртным на Севере), не только не спрашивая мнения Комитета Севера — главного координирующего органа, — но даже не поставив его в известность [40].

Власть на Севере к концу 30-х полностью перешла от беспомощных местных Советов к всевластным центральным министерствам, к таким гигантам, как Главсевморпуть или позднее Дальстрой, подчинявшимся напрямую Сталину и его подручным и державшим в своих руках монополию на торговлю и промышленное освоение Севера.

Так, Дальстрой с 1938 года был подчинен НКВД и занимался заготовкой леса и добычей золота вначале в верховьях р. Колымы, а затем по всей территории нынешней Магаданской области и в Якутии. Деятельность Дальстроя оказала большое воздействие на коренных жителей, в частности, на эвенков и чукчей, которых после коллективизации сделали поставщиками

пропитания для Дальстроя, а также использовали их оленей в транспортных целях. Некоторые группы эвенков и чукчей уходили в недоступные районы тайги и тундры, спасаясь от Дальстроя и коллективизации; некоторым из них удавалось избежать насильственной коллективизации до середины 50-х гг.

## Коллективизация

Насильственная коллективизация, начавшаяся с лозунга об «усилении классовой борьбы в деревне» в 1929 году и приведшая повсеместно к массовому террору против тех крестьян, которые имели хотя бы небольшие, но крепкие хозяйства и минимальное количество скота в личной собственности, повлекла за собой стремительное обнищание деревни по всей стране. Коллективизация проводилась и на Севере, несмотря на многочисленные попытки членов Комитета Севера вначале противостоять ей, а затем просто отсрочить, смягчить ее последствия [41].

До 1930 года никакой «классовой борьбы» на Севере организовать не удавалось. Сведения об отсутствии классового расслоения поступали отовсюду из районов Севера. Так, в одном из поселков Казымского района изгнание шаманов и владельцев крупных стад с перевыборного собрания вызвало уход всех остальных; пишущий об этом автор сокрушается по поводу отсутствия «классовой сознательности» у северян. Население Севера часто совершенно не могло понять, какой такой «классовой борьбы» от него требуют [42].

Темпы коллективизации на Севере были гораздо ниже, чем в стране в целом: к 1931 году только 12% туземцев были в колхозах. Это положение, конечно, не могло удовлетворить центральные партийные власти, и в 1934 году процесс был форсирован. Если в 1934 году в общественном секторе было около 12% оленей, то к 1936 году эта цифра выросла уже до 50%, а в 1943 году в собственности коллективных хозяйств было уже 89,2% всего северного стада [43]. Так был в течение нескольких

лет уничтожен традиционный, веками сложившийся уклад жизни Севера. Малочисленные народности Севера разделили трагическую судьбу остальных жителей страны; однако последствия этого для них были во многом страшнее. Поневоле вспоминается пророческая фраза из проекта школьной программы 1926 года: «С большой чуткостью и осторожностью должны мы подходить к устоям туземной жизни; сломать эти устои нетрудно, но это только приведет туземца к гибели» [44].

## Демографическая ситуация

Если с 1917 по 1926 год пришлое население Севера увеличивалось в год на 5–8%, то в 1926–35 гг. — на 15–20%, и темпы прироста постоянно росли. Удельный вес коренного населения в национальных округах понизился с 56% в 1926 году до 35% в 1935 году за счет роста пришлого населения в 2,5 раза.

Из Таблицы 3 видно, что в планируемые цифры заложено резкое повышение доли приезжего и понижение доли местного населения. Так, в целом по Северу доля малочисленных народностей Севера составляла в 1926 году — 20%, а к 1937 году должна была составить всего 7%.

В 1931 году Комитет Севера постановил, что «отчуждение угодий трудового землепользования может допускаться лишь в исключительных случаях особой государственной важности, но каждый раз не иначе, как с разрешения соответствующего краевого исполкома, и притом с полной компенсацией» [45]. Это уже значительное отступление от требований безусловного запрета селиться на землях, традиционно занимаемых северными народностями. Однако даже это требование не было выполнено: не было ни консультаций, ни компенсаций. Даже массовое переселение крестьян из центральных областей России в Сибирь, известное как «раскулачивание», происходило без всяких консультаций с местными органами власти [46].

Неизбежным следствием изменения демографичес-

Таблица 3. Прогноз изменения населения северных территорий на 30-е гг.

Национальный округ или др. территория	Население			В т.ч. МНС		
	1926	1931	1937*	1926	1931	1937*
Чукотский	14931	19000	35000	13946	15000	16500
Корякский	11871	15000	30000	9857	10800	11900
Эвенский (Охотский)	10623	20000	60000	8350	9200	10100
Сахалинская область	10691	32000	110000	3400	3680	4050
Камчатская область	9684	26000	75000	1456	1600	1800

\* По прогнозу Комитета Севера («Советский Север», 1932, № 1-2).



кой ситуации на Севере стал принятый в 1932 году первый (но далеко не последний) закон о привилегиях для приезжего населения Севера. Согласно этому закону, все работники Севера делились на две категории: с одной стороны, высший и средний административный персонал, специалисты высшей и средней квалификации, судьи, прокуроры, следователи, нотариусы; с другой стороны, все остальные. Для всех работников первой группы устанавливались льготы в виде добавления 10% к зарплате ежегодно, льготы при получении жилья, поступлении в высшее учебное заведение; были снижены до 50% налоги. Работники второй группы пользовались этими льготами только если они направлены для работы на Север из других районов страны. Иначе говоря, представители коренного населения не имели права на льготы, если они не занимали руководящих постов. Это создало ситуацию, продержавшуюся почти до наших дней, когда, например, два строителя, юкагир и русский, работавшие в одной бригаде, получали разную зарплату за одну и ту же работу: у приезжего она была в три раза выше.

### Конец «инакомыслия»

В 1934 году, через 4 года после закрытия журнала «Северная Азия», был прекращен выпуск и «Советского Севера». В новом журнале «Советская Арктика» тон статей по Северу совершенно иной. Начиная с 1937 года, не удастся обнаружить в этом издании ни одной серьезной статьи по народам Севера, ни одного анализа их экономического, политического, культурного положения. Тем более нет никаких упоминаний об их «правах» — как, впрочем, и о «правах» всего остального населения. Вместо этого, например, в передовой статье «Колхозное строительство в Таймырском национальном округе» некий И.О.Серкин пишет: «...накопились большие возможности и предпосылки к решительному и быстрому изменению примитивного (!) хозяйственного уклада жизни и быта народов Крайнего Севера... о

низком бытовом и культурном уровне жизни народов Севера говорит прежде всего их кочевой образ жизни», и далее: «Назрел вопрос о необходимости решительной социалистической перестройки хозяйства народов Крайнего Севера на базе коллективизации. Отставание в этой области является следствием совершенно ложных настроений и взглядов об особой якобы отсталости кочевых народов (!!)» [47].

Противостоять всем этим процессам было невозможно, протестовать — самоубийственно. Тем не менее находились отчаянные люди. Так, в мае 1937 года в московском Доме ученых Б.В.Лавров, бывший председатель Комитета по Северному морскому пути, подверг резкой критике деятельность вновь созданного гиганта Главсевморпуть. Этот смелый человек заслуживает того, чтобы о нем помнили.

Не только одиночки, но и правительство не могло сопротивляться наступлению партийного аппарата, воплощенного в гигантских трестах и их партийных организациях. Понимая бедственное положение коренного населения, ВЦИК и СНК РСФСР в августе 1933 года издает постановление «О кочевых советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР», а в октябре — аналогичное положение о судах. Цель постановления — приблизить власть к кочевым оленеводам и ускорить коллективизацию, и одновременно — вывести местное население из-под зависимости от хозяйственных властей. Однако, выполнив первую часть своей задачи, это постановление оказалось во многом бессильно перед промышленными гигантами.

В 1935 году был ликвидирован Комитет Севера. В течение многих лет члены Комитета, ученые — экономисты, географы, этнографы, языковеды — вели постоянную и безнадежную борьбу за коренное население Севера. Теперь эта борьба была более невозможна: страна сползала в бездну политического террора.

# 1945–1985 гг.: черные годы

*И вселился в нас некто покорный, быстро привыкший к окрикам руководящих лиц, униженно просящий...*

Вячеслав Анхаки,  
житель Камчатки

## Русификация

Во время Великой Отечественной войны действовал закон, в соответствии с которым малочисленные народности Севера были освобождены от обязательной службы в армии. Тем не менее многие северяне пошли на фронт добровольцами; они доблестно сражались; многие из них сложили головы в борьбе с фашизмом; десятки коренных жителей Севера награждены военными наградами.

Война и тяжелая послевоенная экономическая ситуация не давали в первые послевоенные годы центральному правительству, озабоченному восстановлением промышленности и сельского хозяйства, возможность заниматься Севером. Однако к началу пятидесятых годов внимание центра вновь обратилось на Север.

К этому времени оформился решительный поворот в официальной идеологии коммунистического государства. Если в 20–30-е гг. официальная советская идеология обходилась классовыми понятиями, а национальные считались чем-то устаревшим и достойным осмеяния, то к 1947 году, во многом в результате Второй мировой войны, ориентация сталинской политики претерпела резкие изменения. Был провозглашен принцип непрекаемого приоритета России во всех областях науки, промышленности и искусств, независимо от того, соответствовало ли это реальности. Аресты и казни, за два десятилетия до этого проходившие под флагом борьбы с классовыми врагами, шли теперь под флагом борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «борьбы с

космополитизмом». Русский народ стал считаться «первым среди равных»; остальные народы были разделены на «младших братьев» — украинцев, белорусов, грузин, молдаван, эстонцев, которые были призваны жить в мире и согласии с русскими, и на «преступные народы», которые подлежали наказанию за «плохое поведение»: ингуши, чеченцы, крымские татары, евреи.

Новый курс основывался на идее (хотя еще и не на термине) «новой исторической общности — советского народа» — монолитного единства вокруг русского народа и русского языка, в которое, забыв все этнические, религиозные, языковые и культурные различия, должны были слиться все народы великой страны.

Не знаю, в чьей голове родилась эта чудовищная коммунистическая утопия, но выражена и сформулирована она была в тысячах книг и статей того времени. Всеобщее выравнивание было провозглашено великой целью; даже в 1986 году можно было прочесть: «К 1961 году малые народности завершили полное построение социализма, и в дальнейшем история их развития ничем не отличается от других народов СССР» [48]. Трудно представить себе что-либо более далекое от истины.

Не удивительно, что во многих районах этот процесс на практике вылился в простую русификацию: сокращение образования на родных языках, подавление национальной культуры.

### Национальная нетерпимость

В эти годы по всему Северу началась кампания «коренизации»: руководителями районов, предприятий, колхозов в массовом порядке назначались только люди коренной национальности. Это была типичная кампания: директоров и председателей назначали не по деловым качествам, а по национальному признаку. Естественно, что не все имели соответствующие таланты; и маятник качнулся в противоположную сторону: на основании результатов этой кампании был сделан лицемерный вывод о якобы полной неспособности представителей малочис-

ленных народностей Севера к руководящей работе.

Нынешнее презрение приезжего населения к местным — неизбежное следствие этой политики. Проявления покровительственного, презрительного отношения со стороны приезжего населения, к сожалению, стало с тех пор обычным явлением на Севере. Так, в Дудинке в середине 1980-х годов участились беспричинные избиения местных жителей просто за то, что они местные. В районных загсах были многочисленные случаи отказа записать ребенка под нерусским именем: мол, такого имени нет, это не человеческое имя [49].

Параллельно со случаями национальной нетерпимости со стороны приезжего русского, украинского, татарского и т.п. населения, участились и факты такого же отношения к северянам со стороны более крупных народов: якутов, коми, бурят. Студентка-юкагирка рассказывала автору, что вынуждена была уехать из Якутска, бросив учебу в университете, из-за постоянных оскорблений со стороны якутов: по мнению ее соучеников, только якуты имели право учиться в Якутском университете.

Трудно вообразить то отвратительное пренебрежение и самодовольство, с которым некоторые приезжие работники на Севере относятся к коренным жителям. Вот характерное высказывание сельского библиотекаря пос. Нунямо, русской, прожившей несколько лет среди чукчей и науканских эскимосов, записанное этнографом Б.Шишло: «Чукчи и эскимосы? Они живут в каменном веке! Ты видел, как они себя ведут? Почему ты их жалеешь? Они все бездельники! Они только детей рожают, но не заботятся о них. Вместо них это приходится делать государству: ясли, детский сад, школа с интернатом, даже университет, если тем того захочется. Все, конечно, бесплатно. И что, им от всего этого лучше? Завидовать тут нечему. Охота? Да зачем им охотиться, все, что им нужно для пропитания, есть в поселке. Киты? У них даже удочки стоят по домам заброшенные. Деньги? Пока у них хватает на коньяк, они довольны...» [50].

Русская учительница (!) в эскимосском поселке на Чукотке говорила автору летом 1974 года: «Эскимосы? Я вам честно скажу: мы ведь их за людей не считаем. Обезьяны!». На Север она попала против своей воли, по распределению, и не могла дожидаться, пока закончатся положенные три года, чтобы уехать обратно.

При этом русские, живущие на Севере постоянно, 20 лет и более, ведут себя иначе: их отношения с коренными жителями совершенно нормальные. Русское старожильческое население Колымы, например, говорит по-якутски, понимает речь эвенов и юкагиров; довольно часты смешанные браки, и вообще наблюдается отрадная картина, когда национальность человека — действительно его личное дело и никого не волнует.

Закончу цитатой из письма хантыйской женщины [51]: «Умереть бы скорее и не видеть этого ада земного. Зачем я родила детей на такие муки и издевательства? Пусть везде будут «русские», тогда везде будет рай. Никого губить и уничтожать не надо. Все будет ваше, могилы наших предков и наши сравняете с землей — и все. Никто и не вспомнит, что были когда-то на земле ханты, манси и другие никому не нужные нации».

## Языковая политика на Севере

К 1950 году приезжее население Севера достигло уже значительной величины, в среднем около 50%. Практически все коренное население Севера могло свободно говорить по-русски или, как минимум, понимало русский язык. Во многих отношениях овладение коренным населением русским языком было полезным явлением: русский язык открывал им доступ к бесчисленным сведениям о мире через книги, газеты, радио, позднее телевидение. Однако, к сожалению, языковая политика на Севере в этот период ставила целью не столько создание ситуации с устойчивым русско-национальным двуязычием, сколько стремилась утвердить русский язык за счет родного.

В северных школах были сокращены часы препода-

вания родных языков. Там, где существовали проблемы с диалектами (коряки, нивхи, ханты), где не было алфавита либо где число жителей было небольшим, образование на родном языке сворачивалось. Повсеместно языки народностей Севера из основного средства обучения превращались в лучшем случае в предмет изучения.

Около 1957 года, по свидетельству людей, с которыми автору приходилось беседовать в самых разных и, казалось бы, не связанных друг с другом регионах (Чукотка, Алазейская тундра на востоке Якутии, Командорские острова), учителя начали оказывать давление на школьников, запрещая им пользоваться родным языком в пределах школы. Детей наказывали, если они разговаривали в школе не по-русски; родителям было настоятельно рекомендовано не говорить дома с детьми на родном языке. Объясняли это тем, что, изучая только русский язык, дети легче и быстрее вольются в единую семью советских людей.

По всей видимости, школы Севера практически одновременно получили соответствующее распоряжение из центра, хотя текст этого распоряжения, естественно, никогда не увидел света. Любопытно, что действия советского правительства были чрезвычайно сходны с той политикой, которую проводило правительство США по отношению к коренному населению Аляски на несколько десятилетий раньше — с той существенной разницей, что распоряжения американской администрации публиковались, и ошибки, сделанные американским правительством, могут служить материалом для анализа, обсуждения и критики, и в конечном итоге исправляются.

К 1970 году только ненецкий из 26 языков малочисленных народностей Севера использовался как средство обучения, да и то лишь в начальных классах; чукотской, эскимосский, хантыйский, мансийский, эвенский и эвенкийский преподавались как предмет; селькупский, нивхский, корякский и нанайский вообще перестали преподаваться.

## «Поколение перелома»

Одним из наиболее ярких индикаторов современной социальной и культурной ситуации в районах Севера является положение с родными языками коренного населения. Язык как материальное выражение духовной общности и самосознания нации чутко реагирует на социальные и культурные изменения; изучение положения с языком может очень многое дать для характеристики жизни народа.

Степень владения родным языком в большинстве районов Севера связана с возрастом носителей: языковые коллективы расслоились на возрастные группы (поколения), причем старшие составляют группу, для которой основным языком общения является национальный язык, а младшие, напротив, ориентированы на язык более крупного этноса (как правило, русский).

В самом переходе с родного языка на язык численно преобладающего народа через стадию двуязычия нет ничего плохого или необычного. По этому пути идут десятки и сотни народностей мира. Если этот процесс проходит не слишком быстро и сопровождается умелой социальной и языковой политикой, то этническая группа воспринимает его достаточно безболезненно. Для двуязычных общин, по всей вероятности, одним из наиболее распространенных вариантов нормы является ситуация функционального двуязычия, когда коренные жители рассматривают родной язык как язык «для внутреннего употребления»: бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности, реже — школьного обучения, а язык более крупного этноса — как язык для всевозможных видов общения с «внешним» по отношению к общине миром.

Однако приходится с сожалением констатировать, что основной тенденцией развития языковой ситуации на Севере является не плавный переход от одноязычия к двуязычию и затем, возможно, снова к одноязычию, но уже на основе русского языка, а повсеместное вытеснение родных языков русским, потеря двуязычия



Таблица 4. Снижение числа представителей народностей Севера, считающих родным языком язык своей национальности

	1959		1989		
	Числ-сть	Из них считают родным язык своей нац-сти, %	Числ-сть	Из них считают родным язык своей нац-сти, %	
				В % к числ-сти	В % к 1959 г
алеуты	421	22	700	27	123
долганы	—	—	6900	82	—
ительмены	1109	36	2500	20	55
кеты	1019	77	1100	48	62
коряки	—	—	9200	53	—
манси	6287	91	8500	37	41
нанайцы	8026	86	12000	44	51
нганасаны	748	93	1300	83	89
негидальцы	—	—	600	28	—
ненцы	23007	85	35000	77	91
нивхи	3717	76	4700	23	30

ороки	—	—	200	45	—
орочи	782	68	900	19	28
саами	1792	70	1900	42	60
селькупы	3768	51	3600	48	94
тофалары	—	—	700	43	—
удегейцы	1444	74	2000	26	35
ульчи	2055	85	3200	31	36
ханты	19410	77	23000	61	79
чуванцы	—	—	1500	21	—
чукчи	11727	94	15000	70	74
эвенки	24710	56	30000	30	54
эвены	9121	81	17000	44	54
энцы	—	—	200	45	—
эскимосы	1118	84	1700	52	62
юкагиры	442	54	1100	33	61

(Составлена на основе таблиц, помещенных в кн.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. (Сводный том). М.: Госстатиздат, 1962, с. 186, и Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990, с. 39).

и связанные с этим чрезвычайно серьезные социокультурные и психологические последствия для носителей языков народов Севера.

К середине 70-х годов на Севере возникла совершенно особая ситуация, которая должна, по-видимому, считаться во всех отношениях противоположной нормальному функциональному двуязычию, а именно — появление «поколения перелома».

Между старшим и младшим поколением во многих общинах располагается группа (ее возраст колеблется в пределах 30–50 лет, в зависимости от конкретного народа и даже от конкретного поселка), для которой характерно так называемое «групповое полуязычие»: состояние, при котором одни ее представители уже начали утрачивать родной язык и предпочитать русский, другие еще недостаточно владеют русским языком. Двуязычия нет; нормальная коммуникация в пределах этой возрастной группы и тем более — между представителями соседних поколений нарушается, а следовательно — не получают нормального языкового воспитания и их дети.

В культурном отношении «поколение перелома» также «гибридно»: оно уже утратило в значительной степени традиционную культуру и еще не приобрело в достаточном объеме русскую, и передача традиционных культурных ценностей через это поколение не происходит.

Нынешние 40–50-летние — это поколение, которое начало получать школьное образование в 1950-е годы, в эпоху политики тотальной русификации. Воздействие этой политики на коренное население оказалось крайне тяжелым: целое поколение утратило язык, культуру и национальное самосознание, ничего не приобретя взамен. Этот переход воспринимается коренными жителями очень болезненно, интерпретируется как утрата национальных ценностей, как «потеря смысла» существования, как национальная трагедия.

## Ликвидация поселков и переселения

В 50-х—начале 60-х гг. на Север обрушилась страшная по последствиям кампания, целью которой было (достаточно утопическое) форсированное «подравнивание» коренного населения под средний уровень промышленного, бытового и социального развития всей страны.

Как и любое партийное начинание, эта кампания была обставлена разговорами о благе народа, о быстрейшем переходе коренного населения к современной цивилизации. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16.03.1957 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» много прекрасных слов о сохранении самобытности, о необходимости внимательного отношения к особенностям каждой народности при развитии местной промышленности, о развитии традиционных промыслов и др. Однако ядром Постановления, по-видимому, является пункт 5: областным, окружным и районным партийным и советским органам власти предлагалось «изучить назревшие вопросы дальнейшего улучшения (!) хозяйственного и административно-территориального устройства национальных районов и округов... Рассмотреть вопрос об упрощении (!) структуры и улучшении работы аппарата хозяйственных, советских и партийных органов в районах Крайнего Севера» [52].

«Улучшение» и «упрощение» было понято местными партийными властями как призыв к усреднению, к приведению районов Севера к единому для всего СССР виду. И по всему Северу началась масштабная кампания, которая имела два основных проявления: политика укрупнения поселков в оседлых районах и борьба с кочевым образом жизни в кочевых.

Проводилась она со свойственной тоталитарной системе решительностью и некомпетентностью и имела для коренного населения катастрофические последствия. «Переводили на оседлость», например, даже хантов — рыбаков и охотников, живших на притоках Оби небольшими поселениями и перемещавшихся сезонно

на небольшие расстояния в пределах строго определенной территории и по заранее известным маршрутам. Их начали насильственно селять в крупные типовые поселки поближе к самой Оби. Выполняя административные предписания, местные власти вели с хантами настоящую войну. Закрывали в населенных пунктах школы, магазины, выводили отделения совхозов, оставляя местное население без работы — и все для того, чтобы оторвать людей от родных мест, от привычных и любимых занятий и перевести в другое место, в более крупный поселок. Этот тип расселения, без сомнения, удобнее для администрации; однако в рассредоточенности хантов, помимо психологического, был и большой экономический смысл: территория ограниченной площади способна, при сохранении традиционных видов хозяйственной деятельности, прокормить лишь определенное число людей. Поскольку места для новых типовых поселков выбирались исходя не из потребностей традиционной охоты, а из соображений удобства управления и централизованного снабжения, коренное население очень быстро лишилось возможности добывать зверя и рыбу [53].

В оседлых районах та же политика приняла форму «укрупнения» поселков — понятие, которое до сих пор является для многих коренных жителей Севера синонимом трагедии. Ссылаясь на соображения удобства снабжения, необходимости строительства современных зданий и дорог, нерентабельности мелких поселений по сравнению с крупными, иногда и на соображения оборонного характера, местные власти прилагали максимум усилий, чтобы вынудить жителей покинуть традиционные небольшие поселки и переехать в новые, типовые, более крупные и расположенные ближе к районным центрам.

Места для новых поселков выбирались отнюдь не по соображениям удобства и целесообразности традиционных промыслов — сухопутной или морской охоты, оленеводства, рыболовства, но по соображениям удобства с «европейской» точки зрения: есть ли подходящая

бухта для стоянки судов; близко ли до крупной реки; отлогий ли берег, и можно ли к нему пристать на катере; легко ли проложить автомобильную дорогу, и т.п.

Примером может быть ликвидация поселков, в которых проживали азиатские эскимосы. Так, поселок Наукан, расположенный на крутом скалистом берегу к югу от Берингова пролива, был старинным местом поселения отдельного племени эскимосов. Признанный в 1958 году неперспективным, он был закрыт, а жителей вынудили переселиться в близлежащие поселки Пинакуль и Нунымо. Методы принуждения были просты и эффективны: вначале людей уговаривали, затем закрыли школу и магазин, наконец — закрыли колхоз, и люди остались без работы.

Через 14 лет были последовательно закрыты Пинакуль и Нунымо, а науканские эскимосы расселены в чукотских поселках Лорино, Уэлен и Лаврентия — населенных пунктах, в которых они составляют очень небольшой процент населения: эскимосское население в этих поселках к началу 1980-х годов сократилось на 6%, чукотское выросло на 7%, а доля приезжих выросла за счет притока из западных районов страны на 116% [54].

В результате этого двойного переселения науканские эскимосы полностью утратили традиционный быт, хозяйственную деятельность, что привело к утрате смысла существования, повлекшей за собой, в свою очередь, повальное пьянство и высокий процент самоубийств.

Эскимосы, жившие на юго-восточной оконечности Чукотки в небольших поселках Уназик, Кивак, Аван, Сиклюк, были переселены в том же 1958 году в новый большой поселок Новое Чаплино, построенный в глубокой бухте, а их родные поселки перестали существовать. Жизнь в новом поселке исключала традиционную морскую охоту, так как новое место оказалось в стороне от путей миграции моржей, тюленей и китов. Традиционная модель жизни оказалась полностью разрушена на протяжении жизни одного поколения; многим семьям пришлось по три-четыре раза менять место жительства и этнокультурное окружение. Не заставили себя ждать

и социально-экономические результаты: в 1989 году в пос. Новое Чаплино на 534 жителя приходилось 98 взрослых безработных мужчин и женщин [55].

В 1950–1960-е годы в Ловозерском районе было шесть саамских сел. В полном соответствии с кампанией, все они были «укрупнены» — население переселено в один поселок. Все проводилось наспех, грубо, без всякой подготовки. Вот фрагмент из описания этого «переселения»: «Я лично свидетель переселения жителей села Варзино. Для них не было подготовлено жилье. Люди расселялись либо у родственников, либо в развалюхи, на которые уже никто не претендовал. К нам домой вселились три семьи родственников, одиннадцать человек. Представьте себе жилой дом из двух комнат и кухни, в котором живет 16 человек. И это не на один год, а на пять лет! А сейчас лицемерно вопрошают, почему такой высокий процент нарушений закона среди саамов, почему многие спиваются?» [56]

Одним из способов насильственного выселения коренного населения с его традиционных территорий стало экономическое давление. Так, в 1960 году постановлением Совета министров РСФСР были ликвидированы как нерентабельные колхозы Горной Шории. Это окончательно уничтожило все организационные формы хозяйства в сельских районах; местные жители остались без работы. Взамен ликвидированных колхозов в южной Шории никаких экономических структур создано не было. Прекратилось финансирование жилищного строительства в сельской местности. Шорское население было вынуждено оставить более 40 поселков; более двух третей трудоспособного населения в поисках работы переселилось в города и крупные поселки [57].

Тяжелые последствия насильственных переселений имели место и на Сахалине. Местные жители — нивхи — были сселены в два крупных поселка — Ноглики и Некрасовка, в места, где они не имели возможности заниматься традиционными промыслами. Это быстро привело к обнищанию и люмпенизации местного населения, повальному пьянству и серьезным социальным

проблемам [58].

С переселением было тесно связано и разрушение традиционных видов и форм хозяйственной деятельности: оленеводства, рыболовства, сухопутной и морской охоты. В течение 15 лет, до 1987 года эскимосы Чукотки были практически лишены возможности выходить в море для охоты: это мотивировалось то соображениями «государственной безопасности», то «заботой о жизни и здоровье самих эскимосов»; в 70-е годы автору неоднократно приходилось наблюдать, как униженно выпрашивали эскимосские охотники — великолепные мореходы, непревзойденные мастера своего дела — у местных пограничных властей разрешение выйти в море хотя бы на несколько часов — и, как правило, получали отказ.

В Тюменской области в 1986–1987 гг. (!) «в целях борьбы с браконьерством» решением облисполкома была запрещена любая охота, кроме государственной промысловой — а это значит, что ханты, природные охотники, были лишены возможности заниматься тем делом, без которого они не мыслят себе своего существования. Вообще, законы против браконьерства принимались без всякого учета особенностей жизни и интересов коренного населения, и в результате жители лишались возможности добывать себе привычную пищу, что привело к резкому изменению рациона питания и к развитию разнообразных заболеваний [59].

## Статистические данные

Даже немногие опубликованные статистические данные показывают, что по всем демографическим показателям Север вообще и коренное население в особенности находятся в гораздо худшем положении, чем население страны в среднем или чем, например, коренное население Северной Америки. Так, в 60-е годы продолжительность жизни народностей американского и советского Севера была примерно одинаковой — порядка 62 лет. За последние десятилетия по ту сторону



пролива этот показатель повысился на десять лет, а по эту — сократился лет на пятнадцать—двадцать [60]. Смертность в среднем по РСФСР в 1978—1979 гг. — 10,6 на 1000 человек, а в Магаданской области — в 1,2 раза выше. С 1979 по 1990 год продолжительность жизни снизилась в Магаданской области почти на 3 года для мужчин и на 2 года для женщин, и составляет теперь примерно 42,5 года для мужчин и 50 лет для женщин [61]. Продолжительность жизни коренного населения в целом по Северу ниже средней по РСФСР на 16—18 лет и составляет 40—45 лет. Процент самоубийств на Севере — 80—90 случаев на 100.000 населения [62]. Заболевание туберкулезом: в среднем по СССР 42 человека на 100.000 жителей; на Чукотке 224,6 человек на 100.000 жителей [63]. Очень высок процент внебрачных детей: так, из 24 детей, родившихся в эскимосском поселке Сиреники в 1975—1979 гг. у матерей-эскимосок моложе 30 лет две трети было внебрачных (у матерей, родившихся после 1955 года — три четверти); доля незамужних женщин в возрасте 21—30 лет составляла 76% (!), а неженатых мужчин всех возрастов — 53% [64].

Надежные и независимые статистические данные практически недоступны. Ученые, пытавшиеся собирать такие данные, испытывали давление со стороны местных органов КГБ. Официальная статистика рисует более оптимистическую картину. Так, средняя продолжительность жизни, подсчитанная М.Вольфсоном для коренного населения Чукотки — 44—45 лет для 1960-х и 40 лет для 1970-х годов [65]. При этом опубликованные цифры дают 62 года в 1960-х годах [66].

## Система интернатов

Еще одним фактором, оказавшим негативное воздействие на социальную и культурную ситуацию на Севере, была интернатская система школьного образования.

Первоначально интернаты предназначались для того, чтобы дать возможность детям, родители которых кочевали в тундре (постоянно или сезонно) получить

нормальное образование. В крупных поселках были построены здания, завезено оборудование, и дети окрестных оленеводов и охотников проводили там до девяти месяцев в году.

Однако вскоре интернатская система была распространена на детей ясельного и детсадовского возраста, а затем и на оседлые поселения. К середине 1960-х годов интернаты стали единственной и обязательной формой получения образования на Севере. Это привело в ряде мест к уродливой ситуации: родители вынуждены были «сдавать» детей в ясли, затем в сад, затем в интернат на 24 часа в день, 6 дней в неделю, сами продолжая жить в том же поселке.

Фактически во многих местах дети уже в возрасте одного года поступали на полное государственное иждивение и были лишены какого-либо семейного воспитания, не говоря уж о нормальном овладении родным языком. Дети возвращались в семью в возрасте 15–17 лет в значительной степени чужими людьми. С другой стороны, и родители в этих условиях часто теряли чувство ответственности за своих детей, приобретая иждивенческую психологию и полностью перекладывая заботу об их воспитании на плечи государства.

В результате политика принудительного интернатского воспитания круто изменила традиционные социальные и семейные формы жизни коренного населения, и немало способствовала формированию «поколения перелома», о котором шла речь выше. Эта система приводила (и в ряде мест продолжает приводить) к тому, что выпускники интернатов практически полностью лишены необходимых навыков для самостоятельной жизни, лишены жизненной энергии и инициативы. У большинства выпускников интернатов доминирующими психологическими чертами являются апатия в сочетании с агрессией, на которую накладываются сильнейшие стрессы от столкновения с реальной действительностью.

Интернаты, как правило, размещаются в крупных поселках; в них учатся дети из этнически различных поселков: чукчи вместе с эскимосами, юкагиры вместе

с эвенами и т.п. Поэтому основным языком в интернате является обычно русский (в восточных районах Якутии — якутский). Интернаты оказались крайне эффективным средством разрушения национальных языков: после 8–10 лет круглосуточного интернатского обучения дети, как правило, не говорят ни на одном языке, кроме русского.

Через интернатскую систему воспитания уже прошли 2–3 последних поколения коренного населения Севера; влияние ее на социально-психологический климат в регионе огромно. В последние несколько лет интернаты во многих местах трансформируются в обыкновенные дневные школы; вся система образования постепенно пересматривается. Это — позитивный процесс; к сожалению, исправить уже причиненный вред едва ли удастся.

## **Закон об автономных округах**

Политика государства в отношении национальных округов, которая на практике осуществлялась с конца 30-х годов, получила законодательное закрепление в 1980 году, когда был принят закон об автономных округах РСФСР [67].

Автономные округа заменили существовавшие до них национальные округа; при этом национальные районы были упразднены. Всякое упоминание о том, что речь идет о территориях, на которых проживает коренное население, было, таким образом, исключено даже из названия территорий, принадлежавшей когда-то национальным округам.

Высший орган власти, совет автономного округа, избирался по этому закону на основе равного избирательного права; коренные жители, составляющие в автономных округах меньшинство населения, автоматически получают меньшинство голосов при решении проблем округа.

Созданием автономных округов завершилось построение пирамидальной структуры власти. По сути дела,

автономные округа никогда и не задумывались как форма национальной государственности, а представляли собой лишь единицы территориального управления. Все вопросы изменения границ, образования и упразднения поселков и городов, районов и сельсоветов в пределах автономного округа решаются вышестоящими органами: областными, республиканскими, центральными (ст.3).

Местным советам не было оставлено практически ни одного шанса на самостоятельность. План экономического и социального развития автономного округа является составной частью плана экономического и социального развития края, области (ст.7). Бюджет автономного округа является частью бюджета края или области (ст.8). Единственное право местных советов по отношению к предприятиям вышестоящего подчинения, расположенным на его территории, — это право получать от них информацию об их деятельности и передавать в вышестоящие органы власти свои предложения (ст.16); кроме того, совет автономного округа осуществляет контроль за соблюдением предприятиями законов, координирует и контролирует их деятельность в области землепользования, охраны природы и др. (ст.13); очевидно, что никакой реальной власти для «контроля и координации» у местного совета нет. Даже решения о создании, реорганизации и ликвидации предприятий окружного, то есть своего собственного подчинения, окружной совет принимает «по согласованию с вышестоящими органами» (ст.16); иными словами, без разрешения вышестоящих они не могут сделать практически ничего.

При том, что автономные округа возникли на месте бывших национальных, можно было бы ожидать в законе специальных статей, касающихся каких-то особых экономических и социальных прав коренного населения, или хотя бы их права на самобытное культурное развитие, право «быть другими». Однако в статье 21, посвященной полномочиям советов в области сельского промышленного хозяйства, нет ни слова о традиционных формах природопользования коренного населения. В

статье 28, устанавливающей полномочия совета в области народного образования и науки, нет ни слова о преподавании в школах языков, культуры, истории коренного населения; все девять пунктов этой статьи могли бы быть без единого изменения перенесены в Европейскую Россию, в любой район Воронежской или Псковской области.

Единственным на весь закон упоминанием коренного населения является полстроки в статье 29: местный совет «принимает меры по развитию национальной культуры, искусства и литературы».

Принятие закона не сопровождалось четко разработанными статутами административно-территориальных единиц, в которых были бы определены порядок и правовые основы создания и реорганизации административно-территориальных единиц, вопросы передачи земли от одного совета другому, и под. Без таких статутов население Севера не могло быть достаточно надежно защищено законом [68].

Одновременно с принятием закона было опубликовано партийное постановление «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Крайнего Севера». На первый взгляд этот документ проникнут заботой о коренном населении: он предусматривает выделение специальных бюджетных средств на социальные и образовательные программы. Однако двусмысленность, скорее всего умышленная, заглавия постановления («развитию районов проживания народностей» вместо «развитию народностей») сделало это постановление практически бесполезным для коренного населения. Все выделенные средства шли в адрес областных, в крайнем случае окружных советов и использовались для удовлетворения нужд всего населения; коренные жители, составлявшие лишь незначительный процент в «районах проживания», практически не могли влиять на распределение средств.

## Промышленное освоение Севера и экология

На Арктику и Субарктику индустриальная лавина обрушилась только в середине 50-х годов, хотя отдельные попытки индустриализации предпринимались и раньше. В течение последующих десятилетий Север не столько осваивался, сколько завоевывался: основной целью были пушнина, лес, золото, уголь, позднее нефть и газ. «Первопроходцы» вели себя на Севере как завоеватели: никаких законов ни для геологов, ни для строителей не существовало. Решением центрального правительства разработка нового месторождения или вырубка новых участков леса могла быть начата в любой момент и в любом месте; любое количество любых земель могло быть отчуждено от коренного населения росчерком пера. Все оправдывалось необыкновенной государственной важностью задач, которые доверено было решать «первопроходцам»: пополнение золотого запаса страны, нефть и газ для продажи за валюту... Вот как формулирует проблему Л.С.Богословская: записанная в Конституции «государственная собственность на землю — это фикция, на самом деле у нас существует ведомственная собственность, особенно развитая на Севере» [69].

Хрупкие северные экологические системы, малочисленные народности не могли противостоять этому давлению, этой «непрекращающейся экологической агрессии» [70], которая равно губительно сказывается и на природной среде, и на социальной среде коренного населения.

Природа не может противиться индустриализации из-за особой ее уязвимости на Севере. Кто-то подсчитал в 1984 году, что если один человек на одном вездеходе в течение трех летних месяцев по восемь часов в день будет ездить по таймырской тундре, то к 2000 году полуостров Таймыр превратится в пустыню.

Люди же, коренное население, для которого эти земли — основа их жизни, не в состоянии противостоять этому натиску из-за полного отсутствия правовых механизмов.

## Лесозаготовки

Хронологически первыми «в наступление» на Север пошли заготовители леса — всесильные леспромхозы. Лесные массивы, предназначенные под вырубку, выделялись волевым решением центра, не только без учета мнения коренного населения, но и вообще без консультаций с местной властью. Так, в декабре 1987 года эвенки, жители села Тяня Олекминского района Якутии, охотники и оленеводы, получили документ, в соответствии с которым от территории, традиционно используемой селом, отчуждалось 45 тыс. гектаров леса. На этой территории предполагалось заготовить 5 млн. кубометров леса, который оказался нужен в Казахстане. Коренным жителям была по этой бумаге оставлена территория 40 на 20 км, остальная земля была обречена на гибель. Сельский сход высказался против отчуждения. Это решение делегаты села повезли в район. Там их никто не стал слушать. Они поехали в Якутск, но и там с ними грубо отказались разговаривать, мотивировав тем, что это, мол, приказ Москвы и «ничего сделать нельзя» [71].

Под вырубку шли прекрасные леса, места традиционной охоты коренного населения Севера. Хищническая вырубка леса значительно сократила поголовье промыслового зверя. Вырубка леса велась (и ведется) в громадных масштабах (годовой план вырубки леса в Горной Шории, например, составлял 1.4 миллиона кубометров в год (!) [72]), с помощью мощнейших машин и во многих случаях технически и экологически неграмотно: до 30% леса при этой технологии пропадает без пользы, оставаясь гнить там, где его срубили. Сплав леса осуществлялся по рекам, в результате чего многие реки оказались забитыми стволами деревьев настолько, что во многих местах с одного берега на другой можно перейти пешком. В итоге общий ущерб лесам оказался громадным: в целом по Дальнему Востоку, например, нарушение лесов составило 30%, в том числе по Приморскому краю 34%, Хабаровскому краю — 34%, Амурской области

— 42%, Камчатке — 9%, Магаданской области — 21%, Сахалину — 39%.

К этой работе привлекаются и иностранные компании. По соглашению 1987 года между СССР и Кубой на Дальнем Востоке был организован Сукпайский леспромхоз, который валил лес на землях удэгейцев. Удэгейцев, чья традиционная жизнь целиком зависит от леса, ждет та же судьба, которая уже постигла нанайцев, задела эвенгов, ульчей и других. Аналогичные договоры были заключены с Северной Кореей; фактически территория отдана им на разграбление. Корейские рабочие рубят лес, травят реки, браконьерствуют, не признавая никаких законов. Власти над ними не имеют даже местные областные органы [73].

## Нефть и газ

Громадный вред Северу нанесла развернувшаяся в последние 20 лет добыча нефти и газа. Крупнейшие нефтегазовые месторождения (Сургутское, Самотлорское) лежат в земле хантов. Для многих руководителей округа эта земля — только нефть; интересы местного населения никак не учитываются. В результате ханты не только не получали никакой компенсации за выкаченную из их земли нефть, но и сама земля уничтожается.

Одной из наиболее ярких страниц истории «нефтяной войны» является пример полуострова Ямал.

После открытия газовых месторождений на Ямале было принято решение о форсированном «освоении» этого региона. Был подготовлен технический проект, в котором предусматривалось строительство железной дороги, пересекающей полуостров с юга на север, строительство газопроводов и бурение скважин. В этом проекте совершенно не были учтены интересы коренного населения. Железная дорога была спроектирована так, что отрезала традиционные зимние оленьи пастбища от летних. Двигающаяся на север техника калечила тундру. В результате этой деятельности пять совхозов Ямало-Ненецкого округа за несколько лет лишились



594.699 гектаров пастбищ и более 24.000 оленей [74].

Для сравнения: в 1970–1987 гг. численность оленьего стада упала в Магаданской области — на 15%, в Красноярском крае на 30—40%, в Сахалинской области оно практически перестало существовать [75].

Московский этносоциолог А.Пика, работавший в конце 70-х годов среди хантов, в районе озера Пяку-от, так описывает увиденное им в этих же местах десять лет спустя: «И вот прошло десять лет. Места эти трудно узнать. Там, где было царство живой нетронутой природы, где изредка можно было встретить избушку рыбака или чум оленевода-охотника, теперь город, поселки, перекрестки уходящих за горизонт асфальтированных трасс. Между ними же — черные лесные гари, огромные массивы рукотворных песчаных пустынь, развороченный гусеницами ягель, разливы нефти и газа вокруг буровых, днем и ночью пылающие факелы, дымы лесных пожаров. Такое впечатление, что природе здесь объявили войну» [76].

Правовые механизмы защиты интересов коренного населения Севера практически отсутствовали. У коренных жителей не было никакой возможности воздействовать на ситуацию. Они могли лишь с отчаянием смотреть на то, как быстро и безжалостно уничтожается их земля, жизнь, будущее. Помню ужас на лицах эскимосов юго-восточной Чукотки в 1980 году, когда пронесся слух (к счастью, не подтвердившийся), что поблизости нашли нефть. «Это конец, — сказал мне один из них, — теперь нам всем крышка, и очень скоро». Вид у него был покорный и беспомощный.

## Начало открытых обсуждений

После 1985 года положение начало медленно меняться. В 1987 году окружные власти Ямала впервые решились открыто воспротивиться безудержному промышленному освоению края. Было принято решение, осуждающее эгоистический характер деятельности Миннефтегазстроя, Минэнерго, Минтранспротстроя, которых интересовали только нефть и газ, и к ним они рвались, не обращая внимание на окружающую их жизнь и попирая даже те немногие законы, которые охраняли интересы округа. (Впрочем, власти округа интересовала не столько защита коренного населения и своих земель, сколько возможность получения значительных компенсаций, финансовых вливаний в экономику округа.)

Окружной Совет вынес в 1988 году решение о прекращении строительства железной дороги. По сложившейся системе хозяйственных и административных отношений это решение местных властей не являлось обязательным для центральных министерств, и их руководство просто игнорировало его. Начальник объединения «Арктикнефтегазстрой» И. Шаповалов так ответил в 1989 году на вопрос корреспондента: «Выходить на Ямал все равно придется. Газ, как и намечено, должен быть получен в 1991 году... Никто нам названных сроков не отменит. И никуда нам от этого не деться... а сколько слышим пустых рассуждений, всякого рода возмущений: непонятных криков о сохранении краешка земли Ямала (!). Не такая уж, кстати, она и земля... 60 процентов льда в ней (!!))» [77].

Противостоит этой позиции точка зрения, хорошо сформулированная эвенкийским поэтом А. Немтушкиным в отношении другого масштабного проекта — Туруханской ГЭС: «Многие считают это [неблагоприятные экологические последствия от «освоения Севера» — Н.В.] досадным, но «пустячным» вредом на фоне тех благ, что несут новые миллиарды киловатт... Между тем в действительности это — уничтожение основ жизни людей, в конечном счете нечто схожее с последствиями

атомной войны. Разница лишь в том, что война сразу уничтожит все живое на земле, а экологически вредные действия приведут к тому же, но медленно» [78].

Разрушительная деятельность министерств на Севере объяснялась не какой-то их особой порочностью, не тем, что они якобы хотят сознательно навредить коренному населению, и даже не столько их экологической безграмотностью (хотя и это имеет место), сколько самим устройством системы. Успех работы министерства оценивался по единственному критерию: сколько денег оно израсходовало — «освоило». Отрицательные экологические последствия, да и любые последствия этой работы, вплоть до простой рентабельности, вплоть до того, дает ли построенное какую-либо отдачу — никого не интересовали. Без сложных подсчетов ясно, что убытки от строительства, например, рудника и обогатительной фабрики в центре Камчатки во много раз превысили бы ожидаемый положительный эффект. Однако министерству это безразлично, а местная власть бесправна.

В феврале 1989 года Президиум Совета Министров СССР издал постановление о приостановке освоения Ямала, мотивируя свое решение отсутствием достаточно обоснованного технического проекта, особенно в экологической части и в части отношений с местным населением. Однако всемогущие министерства поначалу просто проигнорировали решение правительства; они вынуждали правительство, действуя через старые и прочные личные и партийные связи, выдавать временные разрешения с формулировкой типа «Разрешить в виде исключения...» — и продолжали работу. Сегодня, в 1992 году, этот спор еще не окончен.

Еще один пример — судьба реки Сось. В 1984 году на этой реке, в местах обитания хантов, началась промышленная добыча гравия со дна реки. Естественно, разрешения ни у хантов, ни у местных властей никто не спрашивал. Пришла техника, вместе с ней — нанятые рабочие. Довольно быстро результаты этой деятельности начали сказываться: нарушился водный баланс реки, изменился рельеф дна и очертания берегов, резко

уменьшилось поголовье осетра, который испокон веку водился здесь в изобилии. Зимние избышки хантыйских охотников, в которые те приезжали на время лова, стали постоянно подвергаться разграблению. Уничтожили старое хантыйское кладбище [79].

Протесты жителей не помогали. Тогда жители пос. Катравож на реке Сось, выполняя решение сельского схода, вышли в фарватер реки и, перегородив реку бонами, не пропустили землечерпалки идти дальше. Окрисполком признал действия населения законными.

В 1987 году выяснилось, что разработка нерентабельна; речники ушли, забрав свою технику и оставив искалеченную реку.

Самое грустное в этой истории, по-моему, то, что партийный работник, интервью с которым здесь пересказано, первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома КПСС, излагая последовательность событий, ни разу не вспомнил о существовании суда. Законность или незаконность действий хантов в этом сюжете рассматривает и определяет... окрисполком (!). Мысль о том, что можно подать в суд на речников, никому из участников, ни хантам, ни властям не приходит в голову, и правильно: печально известна полная зависимость судов в те годы от партийных властей.

Чем кончается обращение представителя коренной национальности в суд с иском против приезжего, можно видеть из следующей истории, случившейся в 1985 году. В одном из заброшенных нивхских поселков, неподалеку от маяка, жил пожилой нивх-охотник, имевший с местными властями договор на право охоты в этих местах и заодно удостоверение общественного охотинспектора. Один из смотрителей маяка, некий N, начал браконьерствовать на его территории, убивал нерп, лис, и кончил тем, что убил медведя (медведь у нивхов считается священным). Нивх, на чьей законной территории это произошло, обратился в суд. Суд оправдал русского и завел дело против нивха по обвинению... в браконьерстве. Без ордера прокурора у него дома был устроен обыск; конфисковали оформленные по всем правилам

ружья и несколько шкур.

При обыске милиционер сказал нивху: «Напрасно ты тронул N. Видишь, что теперь с тобой будет!» Суд оштрафовал нивха на 500 рублей, затем повторно еще на 200. Эта вполне обычная история стала известна только потому, что родным братом этого нивха оказался знаменитый нивхский писатель, нынешний председатель Ассоциации малочисленных народов Севера В.М.Санги, который и изложил ее в печати [80].

Преследование и незаконное наказание представителей коренной народности только за то, что те пытались искать защиты против самоуправства приезжих, было обычным делом в 1970–1980-е годы, в эпоху, когда все начальство — суд, прокуратура, милиция, советские власти и, конечно, партийные структуры, связанные круговой порукой, с готовностью обрушивали всю мощь государственной машины на голову строптивца, выгораживая обычного браконьера, если он был русским.

Стандартным обвинением в 1950–1970-е годы против людей, пытавшихся противостоять наступлению безоглядной индустриализации Севера, ввести ее в законные рамки, людей, боровшихся за права коренного населения, было обвинение в национализме. В Якутии, например, по этому обвинению было арестовано около 3000 человек [81]. По обвинению в национализме была арестована и уничтожена почти вся шорская интеллигенция [82].

Журнал «Северные просторы» полон горьких писем северян, скорбящих о своей гибнущей родине, о своем бесправии и безгласии. Одно письмо приведу почти полностью: в нем коротко и четко сформулированы основные беды Севера: «Я — коренная эвенка... Нас в селе и в оленеводстве осталось очень мало — с детьми, по неточным данным, 409 человек. Традиционное хозяйство — оленеводство — свертывается, считается неперспективным. Мы забыли свой язык, традиции, обычаи, искусство. Нет национальных кадров — руководят приезжие, которых мало интересуют местные проблемы, в том числе экологические. На реке Адыче

строится ГЭС — это гибель природе, да и нам. Под воду уйдет 3 миллиона кубометров леса, многие поселки будут снесены! Где жить, чем заниматься, где охотиться и рыбачить, откуда воду пить?... Как-то был случай — спросила А.М.Зотеева, зампреда Совмина республики: «Почему не учитываются интересы коренного населения?» Он ответил уверенно: «Сначала государственные интересы, потом интересы людей...» [83].

## Имущественное неравенство

До 1985 года никому из тех, кому принадлежала политическая и экономическая власть, не приходило в голову, что коренное население может претендовать на какую-либо компенсацию за промышленное освоение их земель. Богатейший Норильский комбинат, расположенный на территории Долгано-Ненецкого автономного округа и получающий громадные прибыли, сумел обеспечить своим рабочим достойные условия жизни, относительно высокие заработки и разнообразное снабжение. Однако его руководство в течение десятилетий «не замечало», что под боком у него, на таймырской земле, из которой комбинат черпает свои богатства, нищенствуют коренные народности, находящиеся у последней черты физического и нравственного бедствия, причем во многом не без участия комбината приведены они в это состояние [84].

Бедность коренного населения в сравнении с приезжими действительно удручающая. В камчатских национальных поселках Оклан, Хайрюзово, Воямполка и других на одного человека приходится от 3 до 7 кв.м жилья, причем весь жилой фонд неблагоустроен, у 300 семей дома в ветхом состоянии [85]. На каждого коренного жителя приходится 3–4 кв. м. жилья — немногим больше, по выражению одного из депутатов-северян, чем ему потребуется на том свете.

В среднем обеспеченность жильем коренных жителей в национальных поселках на душу населения в 3–4 раза ниже, чем в среднем по РСФСР [86]. Средняя заработная плата охотника-эскимоса в 1990 году была порядка 80

рублей в месяц; зарплата шахтера на Чукотке в 1985 году — около 900 рублей, в Норильске в 1990 году — около 1700 рублей. В нивхском колхозе «Восток» (Сахалин) в 1981 году заработная плата распределялась также с большим перекосом в пользу приезжих: 36.8% коренных жителей и лишь 8.4% приезжих имели годовую зарплату 2.400 р. и менее, в то время как 56.6% приезжих и только 18.7% получали в год 4,800 р. и более [87].

Местное население во всех поселках, где приходилось бывать автору, работает на самой низкооплачиваемой и неквалифицированной работе. Довольно высока и безработица среди коренного населения: традиционные сферы деятельности подрублены под корень, признаны неперспективными и не развиваются; в новых сферах коренное население не выдерживает конкуренции с приезжими, и не только потому, что их подготовка ниже и образование слабее, но и потому, что все главные должности во всех районных и областных структурах власти заняты приезжими, которые явно необъективны в вопросах приема на работу. К примеру, из 18 директоров совхозов на Таймыре только один местный житель [88].

К сожалению, до недавнего времени правовое и имущественное неравенство коренного и приезжего населения имело сильную экономическую поддержку в десятилетиями существовавшей практике, когда на приезжих распространялось правило «северных надбавок» к зарплате (до 200%), не относившееся к местному населению. Впоследствии это позорное правило было отменено, но даже сегодня на Ямале коэффициент для приезжих — 1,7, для местных — 1,5; разумного объяснения этому не удавалось услышать ни от кого. Очевидно, что это противоречит Конвенции 169 Международной Организации Труда, принятой в 1989 года, именно статье 20, предусматривающей обязательную равную оплату за равный труд независимо от национальности работающих. (Впрочем, трудно найти статью этой Конвенции, которая не нарушалась бы на Севере.)

## Эпоха «гласности»: 1985–1992

Как уже было сказано, до 1985 года протестовать против государственной политики на Севере было практически невозможно: у партийной власти были в распоряжении разнообразные средства подавления инакомыслия, которые она без колебаний пускала в ход.

### Движения протеста

Признаки изменений появились на Севере позднее, чем в стране в целом — очевидно, из-за громадных расстояний и удаленности этих районов от центра. Хорошей иллюстрацией начавшихся изменений служат истории двух поселков: Сикачи-Алян в Хабаровском крае и Парень на Камчатке.

В 1970-е гг. закрыли нанайский рыболовецкий колхоз в селе Сикачи-Алян. В селе началась безработица, пьянство, выросла преступность; молодежь побежала в город. Был ликвидирован сельсовет, а село «пристегнуто» к соседнему русскому селу. Таежные угодья нанайского села и его земли отошли государству. Водные угодья были переданы государственной рыболовецкой компании Амуррыбвод. На территории села и вокруг него, не спрашивая разрешения у жителей, начали строить дома отдыха для туристов — рабочих окрестных городов и поселков, а также частные дачи горожан.

Однако летом 1989 года настроение жителей неожиданно изменилось. Оказалось, что под прессом системы не совсем умерли их духовные силы. Председателю крайисполкома был направлен протест против строительства дач и турбаз. Вскоре был вновь образован сельсовет. Восстановлена рыболовецкая бригада, работающая на нужды села. Не стало безработицы: 25 человек заняты ловом, еще 15 — в строительстве.

Главное требование жителей — восстановление права на владение землей, которая принадлежала селу в 1960 году. Правление сельсовета занимается сейчас изучением юридических аспектов существования турбаз на



территории села. Цель — определить сумму аренды за землю и передать деньги на нужды села. Если предприятия, которым принадлежат турбазы, будут сопротивляться — сельский совет с помощью Ассоциации малочисленных народов Севера (см. ниже) готов обратиться в суд.

В 1986 году (!) началась кампания по закрытию села Парень. Районный совет действовал по накатанной процедуре: обратился в облсовет с ходатайством о закрытии села, приносящего району 300. 000 рублей убытков ежегодно: обеспечить занятость жителей якобы было невозможно. Сюжет, казалось, развивался так же, как в 50-е годы: вначале уговаривали переселиться добровольно и переквалифицироваться в оленеводы, затем, получив отказ, пригрозили демонтировать электростанцию и закрыть магазин.

Однако времена были уже не те: комиссию облисполкома, приехавшую в село уговаривать и пугать жителей, встретили плакатами: «Племя поитыло не покинет землю предков!». За Парень вступилась пресса, публиковавшая статьи журналистов и письма жителей села — с такими, например, словами: «Поголовное выселение жителей означает одно: мы, пареньские коряки, теряем свой язык, обычаи, традиции, ремесла. Что может быть хуже этого?» Пока что закрытие села Парень удалось остановить [89].

Медленно начинают формироваться и самостоятельные политические структуры коренного населения. В 1989 году возникла ассоциация «Ямал — потомкам», ставящая своей целью борьбу против экологического уничтожения полуострова. В том же году в Ленинграде образован Сибирский культурный центр, целью которого кроме объединения северян, живущих в городе, является также поддержка политических и культурных требований в адрес тех местных советов на Севере, в которых преобладают приезжие.

В том же году в поселке Колпашево (Томская область) состоялось учредительное собрание Национального общества томских селькупов, в котором участвовало 87

делегатов. Одним из основных требований собрания было восстановление национального селькупского села и сельсовета в районах относительно компактного расселения народности [90].

В том же 1989 году была учреждена Ассоциация кольских саамов. «Ассоциация является независимой общественной организацией, созданной в целях содействия социально-экономическому развитию этого национального меньшинства, сохранению его традиций, основанных на гармонии человека и природы, для изучения и развития его культурного и духовного наследия» [91].

Летом 1990 года в пос. Провидения (Чукотка) состоялось Учредительное собрание по созданию Регионального общества эскимосов. Присутствовало 52 делегата от шести основных сел, населенных эскимосами. Основные задачи, которые оно ставит перед собой — борьба за приоритетное право землепользования для коренного населения, право собственности на традиционно занимаемые земли, за взимание налога со всех организаций при пользовании землей, за культурное возрождение. Общество постановило также взять под контроль отбор учащихся для отправки на учебу в высшие учебные заведения.

## Первый съезд малочисленных народов Севера

Крупным событием в политической борьбе коренного населения Севера за свои права стал Первый съезд малочисленных народов Севера, который собрался в Москве в марте 1990 года. Несмотря на некоторый оттенок официозности, съезд преодолел попытки ввести его в управляемое русло и принял ряд довольно важных документов. На съезде была создана Ассоциация малочисленных народностей Севера (президент — В.М.Санги). Цель Ассоциации была сформулирована очень резко: «объединить все силы в борьбе за выживание».

Были определены и основные направления работы. Собравшиеся отметили, что только семь из 26 народностей Севера имеют хотя бы формальные националь-

ные автономии. Наряду с воссозданием национальных районов и сельсоветов съезд призвал вернуться к таким формам самоуправления, как родовые и племенные советы и советы старейшин. Было четко сформулировано требование юридически закреплённого приоритета традиционного природопользования в районах проживания коренного населения. Любой крупный проект должен проходить экспертизу региональных общественных организаций. Национальным сельским советам должно быть передано исключительное право распоряжаться земельными и водными угодьями, вплоть до создания заповедных территорий для проживания и хозяйственной деятельности коренного населения. Съезд отметил плохое состояние образования и здравоохранения, потребовал повышенного внимания к языку, культуре и др.

Съезд обратился к правительству СССР с требованием немедленно ратифицировать «Конвенцию по коренным народностям и народностям, ведущим племенной образ жизни, в независимых странах», принятую Международной Организацией Труда в июне 1989 года, и призвал следовать ее принципам в отношении коренного населения СССР [92].

Несмотря на свою малочисленность, коренное население Севера имеет собственную национальную интеллигенцию — известных писателей, общественных деятелей, ученых. Эти люди живут, как правило, в больших городах и способны влиять на политические решения, касающиеся Севера, как на общегосударственном, так и на международном уровне. Вместе с работниками культуры, живущими в северных поселках, эти люди играют важную роль в формировании политики, регулирующей жизнь на Севере. Участие этой группы северян в экономической и политической жизни коренного населения, без сомнения, будет расти.

## Действия правительства

Широкое обсуждение бедственного положения населения Севера, которое развернулось после 1985 года, начинает давать результаты [93]. В 1989 Совет Мини-

стров СССР принял постановление, согласно которому предполагается ввести в районах проживания ульчей, юкагиров, ительменов, долган, нивхов в начальных классах изучение языков этих народностей, а также ввести в учебную программу сельских школ в районах проживания коренного населения преподавание основ оленеводства, промыслов и звероводства. Постепенно возрождаются национальные газеты, которые были закрыты в начале 30-х гг. (оставлены были только хантыйская, ненецкая и чукотская).

В августе 1989 года, впервые после перерыва в несколько десятилетий, был образован национальный район — Эвено-Бытантайский. Здесь живет компактно группа эвенов (ок. 1000 человек). Территория района — 55.600 кв. км. Район объявлен заповедной зоной проживания народностей Севера, районному совету дано исключительное право на хозяйственное освоение данной территории: индустриальное вторжение в этот район запрещено без согласия районного совета. Отличие этого нового образования от старых в том, что права его жителей на сохранение традиционных занятий защищены законом [94].

Если в действительности дело обстоит так же, как на бумаге, это представляется реальным выходом из создавшегося положения, по крайней мере для некоторых районов, именно тех, где коренные жители все еще составляют заметный процент населения и в которых нет крупных промышленных предприятий.

В 1990 году в результате законодотворческой деятельности Верховного Совета СССР и РСФСР было принято несколько законов, два из которых имеют отношение к проблемам коренного населения Севера.

Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР», принятый 9 апреля 1990 года [95], включает ряд статей, которые должны быть использованы северянами для преодоления своего бедственного положения. Так, пункт 3 статьи 2 гласит: «Первичным территориальным уровнем местного самоуправления могут быть сельсовет, поселок (район), город

(район в городе)». Это позволяет максимально приблизить власть к месту проживания конкретной народности, позволяет народности организовать близкую ей власть, состоящую из людей, хорошо понимающих местные нужды.

Этот же закон устанавливает экономическую базу местного самоуправления, ее составляют: «природные ресурсы (земля, ее недра, воды, леса, растительный и животный мир), коммунальная и иная собственность, служащая источником получения доходов местного самоуправления и удовлетворению социально-экономических потребностей населения соответствующей территории» (статья 8).

Статья 11 устанавливает, что «хозяйственные отношения органов местного самоуправления с предприятиями (объединениями), организациями и учреждениями, не находящимися в коммунальной собственности, строятся на налоговой и договорной основе».

Очень важна статья 23: «Вопросы создания или преобразования экономических и социальных объектов, использование природных ресурсов на соответствующей территории решаются только с согласия местного совета... Предприятия... независимо от их подчиненности... в обязательном порядке согласовывают с соответствующими советами... мероприятия, которые могут привести к экологическим, демографическим и иным последствиям, затрагивающим интересы населения территории».

Еще более важен для судеб населения Севера Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национальных образований или не имеющих их на территории СССР» от 26 апреля 1990 года [96]. Этот закон дает право образовывать в местах компактного проживания национальной группы такие национальные административно-территориальные единицы, как национальный район, национальный поселок и национальный сельсовет. Основанием для образования такой единицы является добровольное волеизъявление большинства населения

территории (статья 7). Образование национальных районов, поселков и сельсоветов допускается, что крайне важно для современной ситуации, и в том случае, если национальная группа не составляет большинства населения на данной территории (статья 8).

В 1990–1992 гг. политическая жизнь в стране быстро менялась: на смену безгласию и страху перед властью шел нормальный политический процесс. После выборов на Первый съезд народных депутатов СССР многие делегаты от районов Севера начали предавать гласности вопиющие нарушения прав человека и прав коренных народов, процветавшие на Севере несколько десятилетий. На страницах газет и журналов появились многочисленные депутатские запросы и беспомощные, растерянные «ответы» на них министерств, не привыкших давать отчет в своих действиях вообще кому-либо. Удалось приостановить некоторые особо разрушительные проекты промышленного строительства на Севере.

Создание Ассоциации малочисленных народов Севера стало мощным стимулом развития политического движения северян в самых отдаленных уголках страны. Группы квалифицированных экспертов занимаются исследованием юридических, экономических, экологических и социальных проблем Севера. Новые законы ставят коренное население — по крайней мере теоретически — в значительно более выгодные условия, чем те, в которых они находились до сих пор.

В декабре 1991 года Советский Союз распался. Новое Российское государство стало правопреемником всех международных и внутренних обязательств Советского Союза, включая и обязательства по отношению к коренному населению Севера. Экономические реформы, общий переход от плановой экономики к свободному рынку оказывают воздействие и на коренное население Севера (как и везде в стране, не только позитивное).

Реально в положении коренного населения Севера пока еще мало что изменилось. Но появилась надежда, что под защитой разумных законов и свободы печати, имея возможность быть услышанными и понятыми

обществом, северяне найдут в себе моральные силы подняться из того бедственного положения, в которое их вместе с остальными народами Советского Союза поставил тоталитарный режим, безраздельно правивший страной в течение семидесяти лет.

## Перспективы

Конечно, многое из того, что происходит на Севере, не могло не произойти. Не могли не приехать туда новопоселенцы; не могло не начаться промышленное освоение; не мог не оказывать влияние на местные языки русский язык; не мог не пойти процесс культурной конвергенции. Это происходит везде, во всем мире, и пытаться делать вид, что этих процессов можно избежать — наивно. (Так, по оценкам специалистов, до 50% языков мира исчезнет в течение следующего столетия [97].)

Эти «объективные» процессы сами по себе достаточно болезненны и сложны для коренного населения, оказывают достаточно сильное воздействие на их традиционные культуры, социально-психологические стереотипы и отношение к миру. Требуется значительная государственная мудрость, знания и терпение, чтобы облегчить коренным народностям нелегкий путь перехода к новому состоянию. Социальный опыт человечества выработал на этом пути разнообразные модели, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Так, Дания проводила в Гренландии политику полного государственного контроля за всеми контактами коренного населения с внешним миром, вплоть до ограничений на въезд и выезд; США и Австралия пошли по пути создания резерваций — территорий, на которые не распространяются некоторые государственные законы, например, закон о свободе передвижения (не всякий человек может поселиться на территории резервации), закон о свободе предпринимательства и др. Во всем мире есть примеры как удачной, так и ошибочной и недальновидной политики по отношению к коренному населению различных территорий; государства мира прилагают все больше усилий к исправлению допущенных в прошлом ошибок.

К сожалению, советский опыт оказался, по-видимому, наименее удачным. Вместо того, чтобы смягчать, компенсировать негативное для культуры коренных народов



воздействие объективных факторов: промышленное освоение, увеличение численности некоренного населения, давление русского языка, рост числа смешанных браков — государственная политика сделала, кажется, все, чтобы усугубить их, усилить это воздействие, ускорить разрушение традиционной культуры и родного языка, с тем, чтобы «выплавить» новую историческую общность людей — советский народ.

Возможно даже, что сделано это было с самыми лучшими намерениями. Допускаю, что кто-то из тех, кто определял политику государства на Севере, действительно искренне считал, что делает благое дело: что сахалинским нивхам будет удобнее в крупных поселках, а не в мелких рыболовецких деревушках; что эскимосам, прирожденным и великолепным морским охотникам, действительно нельзя разрешать «из соображений их же безопасности» выходить в море, а нужно, чтобы китов и моржей привозило им китобойное судно; что науканским эскимосам действительно «неудобно» жить на крутой скале, а чаплинским эскимосам — на галечной косе, и лучше будет их переселить в другое место. Однако известно, что благие намерения, не подкрепленные знаниями и осуществляемые силовым методом без четкого механизма «обратной связи» с теми, кого они касаются, являются наиболее быстрым и прямым путем к результатам прямо противоположным.

Значительно усугубило ситуацию и то, что у большинства народностей Севера отсутствовали национальные административно-территориальные образования и местная администрация, обладающая реальной властью, как средством защиты традиционных форм жизни, национальной культуры и родного языка. Там, где такие формы были, они были неэффективны. Большинство малочисленных народов до сих пор имеет далеко не достаточные инструменты воздействия на экономическую, социальную и языковую ситуацию в районах, в которых они проживают. Начиная с 1920-х годов все серьезные вопросы социальной, экономической и политической

жизни коренных жителей решались где-то «наверху»; к этому в какой-то мере привыкли и власти, и жители.

Перефразируя знаменитые слова Дж.Оруэлла, можно сказать, что «Все советские люди были бесправными, но некоторые были более бесправны, чем другие». Коренное население Севера испытало на себе те же трагические последствия коммунистического тоталитаризма, что и остальная страна; однако, будучи малочисленными и более уязвимыми, эти народности пострадали от тоталитаризма больше, чем многие другие народности и группы. «Народности Севера живут настолько иначе, чем другие народы страны, что закрепленные за ними по Конституции равные права не означают реального равноправия. Они нуждаются в повышенной защите среды их обитания, выбранного ими образа жизни, права собственного контроля за своим экономическим развитием» [98].

Поиски выхода из создавшегося положения требует значительных усилий со стороны самих коренных жителей Севера, а также специального внимания и высокопрофессиональной работы экспертов и политиков. Эта работа, к сожалению, не может быть сделана за несколько месяцев: она потребует и времени, и терпения.

### **Предлагаемые решения**

Автор отдает себе отчет, что в столь краткой брошюре не могут быть перечислены и обоснованы все пути решения многочисленных и разнообразных проблем Севера, да и вряд ли это вообще под силу одному человеку. Однако он считает своим долгом высказать свои соображения и предложения, которые могут помочь найти выход из кризиса.

Одним из возможных выходов, который сейчас широко обсуждается специалистами, является идея создания на Севере «биосферных заповедников» или «заказников». В некотором смысле эта идея является возвратом к планам В.Г.Богораза и его товарищей, сформулирован-

ным в 1924–1925 гг.: что единственным путем спасения коренного населения является создание и законодательное закрепление заказных территорий. Подобные идеи, которые еще шесть лет назад объявлялись крамольными и «антисоветскими», быстро завоевывают популярность.

Сходные мысли высказывались, собственно, и до «эпохи гласности». В 1970 году ленинградский биолог В.А.Тихомиров рекомендовал организовать на Таймыре цепь «национальных парков», в которых имели бы право охотиться и жить только коренные жители. Это предложение, сделанное на научной конференции по оленеводству, было подвергнуто резкой критике как «пропаганда резерваций» и никогда не было опубликовано [99]. Для других районов сходные идеи неоднократно публично высказывал ленинградский лингвист и этнограф профессор Е.А.Крейнович.

Несколько лет назад охотовед и экономист Н.И.Чесноков предложил создать в Западной Сибири сеть заповедников нового типа, таких, в которых специально сохранялись бы территории для традиционных форм хозяйственной деятельности коренного населения. Так создавая в 1982–1985 гг. концепцию биосферного заповедника на границах Эвенкийского округа и Туруханского края, ученые старались предусмотреть, кроме зоны «заповедного ядра», где всякая охота запрещена, охотничьи участки для кетов, эвенков и селькупов [100].

Проект такого заповедника, включающего этническую территорию эскимосов и приморских чукчей (биосферный заповедник «Берингия»), разрабатывается Л.С.Богословской и ее коллегами для юго-восточной Чукотки.

## Самотлорский практикум

В 1989 году в Тюмени состоялось представительное совещание экспертов по Северу (около 35 человек), известное как Самотлорский практикум [101]. Организаторы конференции предложили экспертам для оценки три модели развития районов Севера: «Невмешатель-

ство», «Заповедная зона» и «Культурная ассимиляция». Большинство экспертов высказалось, с теми или иными оговорками, за вторую модель, подчеркнув при этом, что патерналистский подход к коренному населению, то есть отношения «старшего брата» к «младшему», безнравственны и непродуктивны и что каждому народу и каждому человеку должно быть дано право выбора между традиционной моделью жизни и отъездом в город, причем выбора не разового, на всю жизнь, а постоянно присутствующего. Модель «заповедной зоны» или этнической территории признана наиболее соответствующей данным историческим и социальным обстоятельствам.

Группа экспертов (Л. Богословская, В. Калякин, И. Крупник, В. Лебедев, А. Пика) предложили ряд соображений относительно путей вывода Севера и населяющих его народностей из кризисного состояния. По их мнению, которое автор данной работы полностью разделяет, необходимо принять идею этнических территорий и приоритетности аборигенных форм природопользования, которая должна быть закреплена юридически.

Эксперты предлагают следующие положения для включения в будущее законодательство, регулирующее отношения малочисленных народностей Севера с государством:

(1) При выделении земель, рек, лесов, шельфа, акваторий для нужд любого министерства решающим должно быть мнение сельского схода того поселка, чье население традиционно пользуется данной территорией для своих нужд (оленоводство, охота, рыболовство и др.).

(2) Должны быть законодательно запрещены всякого рода укрупнения, слияния и ликвидации традиционных поселков коренного населения Севера.

(3) В закон об охране природы должны быть включены статьи, направленные на сохранение традиционных форм природопользования.

(4) Необходимо перейти от типовых и общих к индивидуальным и конкретным программам планирования экономического и социального развития регионов

Севера, сообразно с особенностями местных экологических систем, укладом жизни коренного населения.

(5) Крупные промышленные проекты на Севере должны проходить не только экологическую, но и этнологическую экспертизу [102].

Многие эксперты Саяно-Тунгусского практикума сходятся в том, что коренные жители должны получить законные возможности самостоятельно выбирать свой путь, такие, как референдумы. В принципе против этой позиции трудно спорить; однако возникает одно сомнение. После всего того, что коммунистический тоталитаризм сотворил на Севере; после истребления в 30–50-е годы национальной северной интеллигенции; после разрушения природы Севера и социальной структуры населяющих его народов; после кампаний по укрупнению и переселению, после сорока лет интернатского воспитания, — найдут ли коренные жители в себе силы, энергию и знания для того, чтобы взять свою судьбу в свои руки?

По-видимому, без помощи со стороны все же не обойтись, по крайней мере в первое переходное время. Необходима экономическая поддержка, а также не в последнюю очередь социальная и психологическая помощь в преодолении апатии, восстановлению инициативы и возвращению коренного населения в психологическом отношении к тому нормальному состоянию, в котором оно находилось до 40-х годов.

Все эксперты рано или поздно приходят к выводу о том, что без серьезной законодательной работы попытки улучшить положение северян малоэффективны. Прежде всего, необходимо дать районам проживания коренного населения статус реальной автономии. При этом эти районы должны быть взяты как можно более подробно, на уровне национальных районов или — там, где их не удастся выделить — на уровне сельских советов и объединений сельских советов. Все эксперты выделяют здесь два принципиальных момента: законодательные гарантии природопользования и прямое выделение бюджетных средств коренному населению.

Первое предполагает разработку государственной концепции традиционного природопользования и землепользования, включающей законодательно закрепленное право национального района, сельсовета и др. налагать окончательный запрет на отчуждение или аренду занимаемой ими территории в любой форме и для любых целей. Второе означает, что финансирование коренного населения из госбюджета, а также налоги, которые платят промышленные предприятия за пользование землей и природными ресурсами, должно идти не через область, округ или район, а напрямую: национальному сельсовету, национальной ассоциации, национальному кооперативному или иному предприятию и др.

Если первый принцип достаточно очевиден, то второй требует некоторых пояснений. В сложившихся обстоятельствах формулировки правительственных постановлений, не важно, советских или российских, призывающих «обеспечить развитие районов проживания малочисленных народностей Севера», фактически направлены на то, чтобы укрепить существующие хозяйственные структуры — колхозы и совхозы, в которых коренные жители составляют меньшинство. Главная проблема — не в количестве денег, а в том, что распределением этих денег сегодня заведуют областные, окружные и районные власти; соответственно, если компенсации и будут получены, они при существующей практике пойдут на насущные нужды большинства населения: на развитие жилищного строительства в крупных поселках и городах, на строительство общественных зданий — клубов, стадионов и др., на улучшение сети дорог вокруг крупных поселков и между ними, на развитие связи, на закупку дефицитных товаров — мебели, автомобилей, одежды и так далее, но никак не на развитие жилищного строительства, промышленности и транспорта в мелких «неперспективных» селах, в которых живет коренное население.

С точки зрения выборных областных и т.д. властей это — нормальное и совершенно объяснимое поведение.

Даже идеально отрегулированный и работающий демократический механизм здесь не сможет гарантировать коренному меньшинству равные права с остальным населением. Это как раз и есть тот случай, когда права меньшинств должны быть защищены специальным законодательством, а сами меньшинства должны быть поставлены в привилегированное положение. Как ни парадоксально, в данной ситуации привилегии — единственный способ обеспечения коренным жителям равных прав с остальным населением.

## Направления дальнейшей работы

Крушение тоталитарной системы открыло новые возможности для позитивных изменений на Севере. Для этого необходимо найти в себе силы признать прошлые ошибки и совместно искать новые решения. Не исключено, что для некоторых, наименее многочисленных и наиболее пострадавших этнических групп коренного населения возможность перемен пришла слишком поздно. Однако у большинства из них, по убеждению автора, есть будущее — при условии компетентных и решительных действий правительства, с учетом как позиции самих коренных жителей Севера, так и рекомендаций экспертов и неправительственных организаций.

### Политические и юридические права

— Необходимо создать заказные территории в форме национальных парков или биосферных заповедников и предоставить коренному населению исключительное право использования этих территорий.

— Все территориальные права должны быть обеспечены законодательно, с соблюдением международных юридических норм.

— Необходимо законодательно запретить отчуждение территорий, а также какие бы то ни было переселения, укрупнения и закрытия поселков коренного населения, какими бы серьезными государственными соображениями это ни мотивировалось.

— Вновь созданные и уже существующие общины коренного населения (сельсоветы, поселки) должны гарантированно получать фиксированные дотации из госбюджета непосредственно, минуя областные, окружные или районные структуры.

— Управление территориями проживания малочисленных народностей Севера должно быть децентрализовано до уровня поселка; более высокие уровни администрации должны иметь в отношении этих территорий лишь те



функции, которые их жители добровольно им делегируют.

— Необходимо поддерживать экономически и политически независимые национальные и региональные организации и ассоциации северян, которые должны служить посредниками между правительством и северными меньшинствами.

— В пределах России коренное население Севера должно получить особый статус и специальные коллективные права как малочисленная и значительно пострадавшая группа населения.

### Экономические права

— Малочисленные народности Севера, веками жившие за счет природных богатств Севера, должны иметь окончательные законодательно закрепленные права на свои земли и на традиционные формы хозяйствования.

— Никакие промышленные или строительные проекты не могут быть начаты на землях Севера без согласия коренных жителей. Все новые проекты должны пройти гласное и тщательное обсуждение как самим населением Севера, так и независимыми экспертами; община, на территории которой предполагается строительство, должна иметь законодательное право вето на его начало.

— Все существующие экономические, промышленные и строительные проекты должны быть пересмотрены как местными органами власти на уровне поселков, так и независимыми экспертами, которые должны оценить, во что эти проекты обходятся коренному населению с этносоциальной и экологической точки зрения.

— Экологический ущерб, нанесенный в предшествующий период, должен быть признан государством, которое должно принять справедливый порядок постепенной компенсации.

— Действие Закона об охране окружающей среды должно быть распространено на охрану традиционных систем природопользования и хозяйства.

— Коренное население должно иметь гарантированные законом и практически обеспеченные равные с приезжими права в устройстве на работу, заработной плате и социальном обеспечении.

## Языковые и культурные права

— Органы местного самоуправления на уровне поселка должны иметь возможность контроля вопросов культурного и языкового строительства и образования.

— Необходимо поддерживать использование родных языков коренного населения в пределах общины, а там, где это возможно, и на региональном уровне.

— Языки коренного населения должны стать, там, где это возможно, равноправными языками обучения в начальной и средней школе.

— Необходимо продолжать работу по созданию и совершенствованию письменности на языках народностей Севера; должны быть разработаны новые учебные программы, подготовлены учителя и созданы необходимые учебные пособия.

— Целью школьного образования на Севере должно быть воспитание национального достоинства и поддержка национального самосознания учащихся.

— В оседлых районах должна быть окончательно ликвидирована система интернатов и создана альтернативная система образования. В районах проживания кочевых народностей интернаты должны сохраняться лишь там, где это совершенно необходимо.

— При необходимости продолжать образование в отрыве от родных мест нужно всячески способствовать поддержанию связи детей с общиной и семьей.

— Необходимо опубликовать все законодательные акты, регулирующие права коренного населения, на русском языке и, там, где это целесообразно, на языках народностей Севера. Эти публикации должны быть доступны для местных органов самоуправления.

— Необходима образовательная программа на уровне

правительства, целью которой было бы создание нормального социально-психологического климата в отношениях между коренным и приезжим населением Севера.

## **Международные права**

— Российское правительство должно свободно допускать международных наблюдателей в районы Севера для контроля за соблюдением прав коренного населения, включая сотрудников рабочей группы ООН по коренному населению, а также независимых экспертов международных неправительственных организаций и ученых.

— Российское правительство должно ратифицировать и соблюдать все международные конвенции и соглашения о коренном населении.

## Примечания

- [1] См.: Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. т.1-2, М., 1947-52; Пармузин Ю.П. Тундролесье СССР. М., 1979; Советская Арктика. Моря и острова Северного Ледовитого океана. М., 1970; Серия Советский Союз. Географическое описание (в 22 томах), особенно тома: Российская Федерация. Сибирь. М., 1971; Российская Федерация. Восточная Сибирь. М., 1969; Российская Федерация. Дальний Восток. М., 1971.
- [2] Этническое развитие народностей Севера в советский период. М.: Наука, 1987, с.32-90.
- [3] См. также результаты другой, так называемой «Приполярной переписи», которые обычно считаются менее точными, в книге: П.Е.Терлецкий. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926-1927 гг.). Институт Народов Севера, Л., 1932.
- [4] Наиболее близка к действительности, на мой взгляд, периодизация, предложенная И.С. Гурвичем: 1 период — 1917-1924 гг.; 2 период — 1924-1929 гг.; 3 период — 1929-1934 гг.; 4 период — 1934-1941 гг. (И.С.Гурвич. Еще раз к вопросу о переходе малых народностей Севера и Дальнего Востока к социализму. Вопросы истории КПСС, 1964, №9).
- [5] И.И.Крупник. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989, с.146-164.
- [6] И.Серебренников. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917.
- [7] И.С.Гурвич. Разделы: Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы, Заключение. В кн.: Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982
- [8] В.А.Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932). Томск, изд-во Томского университета, 1968, с. 21-23; С.Прутченко. Сибирские окраины. СПб, 1899.
- [9] Свод Законов Российской Империи, т.2, Издание неофициальное, СПб, 1892.
- [10] С.В.Бахрушин. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года. — В кн.: Советский Север. Под ред. П.Г.Смидовича, С.А.Бутурлина, Н.И.Леонова. Изд-е Комитета Севера, М, 1929, с.66-95; Зибарев, указ. соч, с.23-25.
- [11] И.Серебренников. Указ. соч., с.14 и след.
- [12] Образование СССР. Сборник документов. М., 1949, с.20; 57
- [13] «Советский Север», 1934, №2, с.10
- [14] W. Kolarz. The People of the Soviet Far East. NY, 1954, pp.65-66
- [15] J.Forsyth. The Indigenous Peoples of Siberia in the Twentieth Century. In: Wood A., and R.A.French, Eds. The Development of

Siberia: Peoples and Resources. Macmillan Press and the University of London, London, 1989, p.79.

- [16] «Жизнь национальностей», 1923, № 3–4, стр. 172 и след.
- [17] «Северная Азия», 1925, №5–6, с.20.
- [18] Там же, 1925, №1–2, с.8.
- [19] Там же, с.43, 44, 49.
- [20] «Северная Азия», 1926, №3, с.94–99, 100–101.
- [21] Зибарев В.А., указ. соч., с.160.
- [22] Демидов В.А. Советское национально-государственное строительство в Сибири. Новосибирск, 1981, с.72.
- [23] Зибарев В.А., указ. соч., с.113.
- [24] Зибарев В.А., указ.соч., с.111–112.
- [25] «Жизнь национальностей», 1923, №1, с.251–254.
- [26] «Жизнь национальностей», 1922, №18 (153).
- [27] J.Forsyth, указ. соч., с.80.
- [28] «Советский Север», 1930, №2, с.22 и след.
- [29] Там же, 1930, №1, с.117–124.
- [30] Там же, 1930, №2, с.22 и след.
- [31] После 1953 года обучение переведено в Ленинградский Педагогический Институт (с 1990 г. — Университет) им. А.И.Герцена, где и происходит до сих пор подготовка учителей.
- [32] «Советский Север», 1930, №1, с.42.
- [33] «Северная Азия», 1925, №3, с.114.
- [34] Вообще, сталинский террор 30—50х годов нанес огромный вред североведению. В.Г.Богораз умер в 1936 году — как раз вовремя, чтобы не видеть арестов своих лучших, наиболее талантливых учеников и коллег — Я.П.Алькора, Е.А.Крейновича, Л.Я.Штернберга, В.Шнейдера, А.Форштейна и многих других. С.Н.Стебницкий, А.Пырерка, Г.М.Корсаков погибли во время войны. Последняя волна террора обрушилась на североведение в 1952 году, после выхода в свет печально известной книги Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», которая была использована как повод для широкой кампании насилия против немногих оставшихся серьезных североведов — ученых и практиков.
- [35] «Северная Азия», 1929, №5–6, с.126.
- [36] Онищук Н.Т. Создание советской национальной государственности народностей Севера. Изд. Томского университета, Томск, 1986, с.132–133.
- [37] «Советский Север», 1931, №2, с.5–29; Там же: 1933, №1, с.98.

- [38] «Советский Север», 1931, №2, с.5–29.
- [39] «Советский Север», 1930, №4, с.7–23.
- [40] Там же, 1931, №2, с.16.
- [41] См. Chichlo B. La collectivisation en Sibirie: un problème de nationalités. In: L'expérience soviétique et la problème national dans le monde (1920–1938), Paris, 1981, pp. 279–307.
- [42] В.А. Зибарев, указ. соч., с.183. См. также «Советский Север», 1931, №5, с.7.
- [43] И.С.Гурвич. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере. В: Осуществление Ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971, с.30–34.
- [44] Леонов Н.И. Туземные школы на Севере. В сборнике: Советский Север. Под ред. П.Г.Смидовича, С.А.Бутурлина, Н.И.Леонова. Изд-е Комитета Севера, М, 1929, с.211.
- [45] «Советский Север», 1931, №5, с.20–21.
- [46] Там же, 1930, №4, с.7–23.
- [47] «Советская Арктика», 1936, №6, с.3–8.
- [48] Онищук Н.Т., указ. соч., с.43.
- [49] «Северные просторы», 1988, №6, с.19.
- [50] Boris Chichlo. La Tchoukotka: une autre civilisation obligatoire. Quelques observations sur le terrain. In: Objets et Mondes, la Revue du Musée de l'Homme, T. 25, Fasc. 3–4, Paris 1988, p.150.
- [51] Освоение без отчуждения (Части 1 и 2). Материалы экспертного опроса. Тюмень, 1989, с.45.
- [52] КПСС в резолюциях и решениях съездов... Том 9, М., 1986, с.179.
- [53] «Северные Просторы», 1989, №1, с.10–11.
- [54] Boris Chichlo. La Tchoukotka...
- [55] «Литературная Россия», 1.06.1990, с. 16.
- [56] «Ловозерская правда», 5.11.1988.
- [57] В.Кимеев. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990, с.138.
- [58] Смоляк А.В., Крупник И.И. Современное положение коренного населения Сахалинской области. Докладная записка (по материалам обследования в Охинском и Ногликском районах в сентябре 1982). Рукопись.
- [59] См. интересную дискуссию и письма в: «Северные просторы», 1988, 4, с.4–6.
- [60] «Известия», 1990, №194, с.3.
- [61] «Северные просторы», 1990, №5.

- [62] «Известия», 1990, №166.
- [63] «Северные просторы», 1991, №1, с.4.
- [64] Крупник И.И. Демографическое развитие азиатских эскимосов в 70-е годы (основные тенденции и этносоциальные условия). В кн.: Региональные проблемы социально-демографического развития. Издание Института социологических исследований, Советской социологической ассоциации. М., 1987, с.109. Высокий процент незамужних женщин можно было бы объяснить традиционно более свободными отношениями полов. Однако в настоящее время это скорее вызвано разрушением традиционных брачно-семейных и социальных структур, а также демографическими причинами: большинство приезжих — одинокие мужчины.
- [65] И.И.Крупник, устное сообщение, февраль 1991.
- [66] «Известия», №194, 13.07.1990, с.3.
- [67] Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об автономных округах РСФСР. Принят... Верховным Советом РСФСР... 20 ноября 1980 г. М., 1980.
- [68] На необходимость подобных статутов за 6 лет до принятия закона указывал иркутский ученый В.А.Немцев (см.: Немцев В.А. Правовые и организационные проблемы административно—территориального деления союзной республики. Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 1974). Предложения, высказанные им 18 лет назад, не утратили своего значения до сих пор.
- [69] Освоение... Часть 1, с.15.
- [70] Tchlenov M.A. Quel destin attend les peuples du nord? — Questions sibérienne. Bull. 1, 1990, стр. 36.
- [71] «Северные просторы», 1988, №4, с.6.
- [72] Кимеев В., указ. соч., с.139.
- [73] «Северные просторы», 1990, №1, с.17.
- [74] Там же, 1988, №5, с.6.
- [75] Там же, 1988, №6, с.11.
- [76] Там же, 1990, №3, с.27.
- [77] Там же, 1989, №1, с.4.
- [78] Там же, 1988, №3, с.2.
- [79] Там же, 1988, №2, с.18–19.
- [80] Там же, 1988, №2, с.6–9.
- [81] Там же, 1989, №3, с.2.
- [82] Кимеев В., указ. соч., с.137.
- [83] «Северные просторы», 1989, №3, с.6.
- [84] Из хозяйственного оборота в результате деятельность Комбината

было выведено 13 млн. гектаров оленьих пастбищ и промысловых угодий. Общий ущерб со стороны Комбината территории округа — 98 млн. рублей [«Российская газета», 20.04.1991].

- [85] «Северные просторы», 1988, №1, с.12.
- [86] «Северные просторы», 1988, №6, с.10.
- [87] Смоляк А.В., Крупник И.И., указ. соч.
- [88] «Северные просторы», 1988, №1, с.9.
- [89] Там же, 1988, №2, с.9–10.
- [90] V.I.Vasiliev, S.M.Malinovskaya. «Selkup's Problems of National Construction: History and Modern Times» — 7th Inuit Studies Conference, August 19–24, 1990 University of Alaska, Fairbanks.
- [91] [Материалы советской прессы] Агентство печати «Новости». Рукопись, декабрь 1989.
- [92] «Северные просторы», 1990, №3, с.2–3.
- [93] См. хронологический обзор основных выступлений и публикаций по вопросам МНС, а также основных событий в этой сфере в журнале «Questions siberienne», Institut du Monde soviétique et de l'Europe Centrale et Orientale. Édité sous la direction de Boris Chichlo. Paris, 1990, №1, с.51–56.
- [94] В.Козлов. Как нам сохранить самобытность народов Севера? (АПН, рукопись, 27.12.1989), с.2.
- [95] Новые законы СССР. Выпуск 1. М., Юридическая литература. 1990, с.91–104.
- [96] Там же, с.167–172.
- [97] Krauss M. The World Languages in Crisis. Report for the Symposium: Endangered Languages and their Preservation. Meeting of the Linguistic Society of America, Chicago, Jan. 3, 1991, p.3.
- [98] «Известия», 1989, №166.
- [99] Г.Н.Грачева, устное сообщение, 1992.
- [100] «Северные просторы», 1989, №1, с.11.
- [101] Освоение..., части 1 и 2.
- [102] «Северные просторы», 1988, №5, с.4–5.



# Содержание

Введение . . . . .	5
Первые контакты с русскими . . . . .	14
Народности Севера в 1917–1930 гг. . . . .	19
Народности Севера в 1930–1941 гг. . . . .	32
1945–1985: черные годы . . . . .	41
Начало открытых обсуждений . . . . .	64
Эпоха «гласности»: 1985–1992 гг. . . . .	70
Перспективы . . . . .	78
Направления дальнейшей работы . . . . .	86
Примечания . . . . .	90

Николай Борисович Вахтин

Коренное население Крайнего Севера  
Российской Федерации

Подписано к печати 08.02.93. Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>  
Бумага офсетная. Гарнитура Гельветика.  
Печать офсетная. Тираж 1000 экземпляров.

Издательство Европейского Дома.  
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3  
Отпечатано в Первой типографии  
издательства «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12



**МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРУППА  
ПО ПРАВАМ МЕНЬШИНСТВ**

**Minority  
Rights  
Group**

Международная группа по правам меньшинств начала работу в 1970 году. За двадцать лет работы МГПМ опубликовала более 90 отчетов о положении меньшинств, которые широко признаны во всем мире и являются авторитетными, надежными и объективными источниками информации в этой области.

Ежегодно издается шесть отчетов. Каждый отчет, написанный специалистом в своей области, посвящен конкретному этническому или иному меньшинству (средний объем отчета — около 4 печатных листов).

Дополнительные сведения о деятельности группы и о подписке на серию отчетов можно получить по телефону в Лондоне +44 (0)71 978 94 98 или письменно по адресу:

**The Minortiy Rights Group  
379 Brixton Road  
London SW9 7DE UK**

Адрес Петербургской группы по правам меньшинств:

**199034 Санкт-Петербург  
Университетская наб., 5, комн. 16  
Петербургский Союз ученых  
ГПМ-СПб**